

Асмина Сандиур

ПЕРЕ-
РОЖДЕННАЯ

Ясмина Сапфир

Перерожденная

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67256387

Перерожденная: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-104058-1

Аннотация

Утонуть в море не всегда так страшно. Если в тебе вдруг проявятся гены морских перевертышей, то волшебный мир удивительных существ и приключений станет обыденностью. Академия морских перевертышей распахнет перед тобой двери, удивительные существа из чистой энергии примут за хозяйку, а короли-близнецы начнут бороться за твою благосклонность. Вот только один из них почти женат, но именно он заставляет сердце биться чаще.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	54
Глава 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Ясмина Сапфир Перерожденная

Часть первая

Глава 1

Морская вода была теплой, приятной, как в огромной ванне. Солнце уже начало садиться и не так припекало, как знойным южным днем.

Изъеденный временем камень пирса маячил перед глазами. Пестрые стайки рыбок мелькали вокруг, словно тонкая вуаль с мириадами блесток, и бросались врассыпную, стоило мне приблизиться.

Маска позволяла видеть подводные красоты как на ладони. Красноватые деревца кораллов, усыпанные косматыми водорослями, улитками и морскими звездами. Деловитых рыбин всех расцветок и форм. От серебристых треугольных «лун» с остроконечными плавниками до ярко-синих и черных «хирургов» с птичьим клювом.

Внезапно что-то очень большое, величавое промелькнуло справа. Я повернулась – и... сердце ушло в пятки. Пульс взвился до небес, тело похолодело. Мимо с неспешной гра-

цией плыла серая рифовая акула. В каждом ее движении чувствовались невиданная мощь, затаенная угроза. Казалось, эта гигантская машина для убийств – гладкая, блестящая, совершенная – вообще не прилагает усилий, но летит под водой как ракета.

На какую-то долю секунды почудилось – акула изучает меня пронзительным изумрудным взглядом. Невероятно осмысленным для хищной рыбыны.

И я очень некстати запаниковала. Мне и надо-то было – всего-навсего сделать пару мощных гребков, добраться до пирса, подняться по спасительной лестнице... Но вместо этого я забилась, замолотила руками и ногами по воде и... начала тонуть.

Нет ничего страшнее ощущения, когда прерывается дыхание. Ты натужно пытаешься глотнуть воздуха, но грудь разрывает вода, и хочется завывать от боли. Но даже этого сделать не удастся. Ты не можешь ни-че-го... Только умирать.

«Я не готова умереть до сорокалетия! Я еще ничего толком не сделала! Не завела семью, не родила ребенка... Да! Я могла бы...»

Глупые мысли вихрем закружились в голове и пропали, уступив место глухому отчаянию.

Перед глазами потемнело, я задергалась, забилась, и... чернота залила весь мир.

«Он оживил ее?» – «Не может такого быть!» – «А я говорил... Такое случается...» – «Значит, у нее были нужные гены?» – «Я предупреждал, что у людей они тоже встречаются. Хотя и очень редко». – «А почему она так помолодела?» – «Да не помолодела она! Это гены проснулись...» – «Давай тащи ее к нам, в Миллалию»...

Голоса были странными... Гулкие, протяжные, низкие, они вибрировали и перемежались с тихим бульканьем. Кожу словно покрывало нечто теплое, едва осязаемое, текучее, как вода.

Какое-то время я думала – все это галлюцинации, бред умирающего мозга. Но боль внезапно ушла, почудилось – я дышу, нормально, спокойно, без надрыва.

Укрывшее кожу тепло исчезло тоже. Я чувствовала себя так, словно лежу под знойным южным солнцем и влажный морской воздух оставляет во рту солоноватый привкус.

– Она проснулась? – раздался откуда-то сверху низкий мужской голос – бархатистый и мелодичный, несмотря на тембр.

– Да, Наллис, она очнулась, – ответил более высокий, звонкий, но тоже мужской.

– Тогда почему не открыла глаза? Не пошевелилась? – настаивал бас.

– Сейчас...

Меня основательно встряхнули за плечи. Пришлось и правда открыть глаза, чтобы увидеть гигантскую зеленую комнату, словно отлитую из странного вещества, похожего на матовую слюду.

Подо мной обнаружилась кровать – мягкая и удобная, настолько огромная, что я удивилась отсутствию соседей. Надо мной возвышались двое мужчин.

Что-то в их внешности настораживало. Даже не совсем так, скорее намекало на нечеловеческое происхождение. Я не сразу поняла – что же именно, пока не пригляделась повнимательней.

Конечно же! Кожа незнакомцев! Гладкая, блестящая, без малейших признаков растительности. И волосы – длинные, толстые, похожие на шелковые нити.

– Ты помнишь, что случилось? – спросил обладатель бархатистого баса – жгучий брюнет с ярко-изумрудными глазами, будто подсвеченными изнутри. Лицо его выглядело очень мужественным. Резкие, крупные черты, высокий лоб и квадратная челюсть выдавали в незнакомце упрямец, каких свет не видывал. Он изучал меня – всю, с головы до ног, торопливо возвращаясь к глазам, если слишком долго задерживался на груди или бедрах.

– Ты наверняка что-то помнишь, – гораздо менее требовательно, мягко произнес пепельный блондин с бирюзовыми глазами и куда более тонкими, острыми чертами лица.

Одеты незнакомцы были однотипно. Туники с глубоким вырезом буквально выставляли мощные грудные мышцы на показ, свободные брюки не скрывали крепкие бедра и ноги. Синий верх, бежевый низ – у голубоглазого, двойка цвета кофе с молоком – у обладателя баса.

Я приподнялась на локтях, не зная, что и ответить. Мужчины ждали. Зеленоглазый поменял позу – засунул руки в карманы и принялся перекатываться с носков на пятки, заметно теряя терпение. Голубоглазый изобразил подобие улыбки.

Я покосилась в сторону и обомлела: за окнами клубился странный розовый туман. Он выглядел неоднородным, закручивался вихрями, собирался в нечто вроде коконов. В просветах между клочками тумана пробивались ленты солнечных лучей.

Зеленоглазый нервно повел плечом и внезапно двинулся прочь. Я думала – уйдет, но он принялся нарезать круги по комнате, как делают холерики, когда сильно нервничают. Голубоглазый же, напротив, спокойно опустился рядом со мной на кровать и произнес:

– Меня зовут Арзавир. Давайте я все объясню. Вы утонули. Вас нашел Наллис, – он указал на второго мужчину. – И... оживил. Похоже, в вас есть гены нашей расы.

– К-какой расы? – совсем растерялась я.

– Мы – морские перевертыши¹, – охотно пояснил Арза-

---

¹ В мифологии разных стран перевертыши – существа, способные обращаться

вир.

– П-перевертыши? – Я посмотрела на его товарища (тот кивнул, с заметным усилием отвлекаясь от моей груди) и переспросила: – Перевертыши? Это как оборотни, что ли?

Арзавир помотал головой. Наллис, как раз заканчивавший круг по комнате, притормозил и разразился пояснениями:

– Оборотни превращаются в конкретных существ. А мы можем обращаться в акулу, в кита, в дельфина – по желанию. И даже не полностью, а частично. Отсюда и человеческие легенды о русалках.

Последние слова я почти не слышала.

Вспомнилась акула – сероватая махина с изумрудными глазами, почти человеческими, умными, осмысленными.

Я всмотрелась в лицо Наллиса. Он выпрямился, будто шест проглотил, и застыл как вкопанный.

Несколько минут длилось томительное молчание. Тишина оглушала, звенела натянутой струной. Розовые клубы тумана бились в окно, будто пытались прорваться в комнату.

Внезапно Наллис ухмыльнулся, неспешно приблизился, покачивая плечами, словно рисовался, и заявил с вызовом в голосе:

– Ну да. Это был я. Я за тобой следил, и не первый день. Ну а что? Решил приблизиться. А ты так перепугалась... Я ничего не смог быстро сделать.

Я задохнулась от возмущения, от ярости кулаки сжались до боли в суставах. Внутри клокотала обида. Даже высказаться – и то не получалось. Я утонула из-за него! Из-за его нездорового любопытства, неуместного преследования! Вот ведь мерзавец! Он же почти убил меня! Убил бы, не окажись во мне генов перевертышей! И плыл бы себе дальше, подсматривал за туристками в свое удовольствие... А я... я...

Наллис медленно опустился на кровать, словно боялся спугнуть меня, а Арзавир встал и отступил к окну.

– Спокойно. Не драматизируй. Да, ты мне понравилась. И я за тобой наблюдал. – Жесткие, чувственные губы Наллиса растянула нахальная кривая улыбка, на щеках его выступил слабый румянец. – Не подумал, что так испугаешься акулы.

Секунда-другая – и лицо его оказалось совсем близко, а губы почти коснулись моих. В приоткрытый от удивления рот ворвалось горячее и прерывистое дыхание. Странно потеплело в животе. Сердце пропустило удар и вдруг подскочило, забарабанило в ушах без особой на то причины.

А Наллис облизал губы, сглотнул... и вперился, не мигая. Удивительные изумрудные глаза сияли, будто внутри них зажглись лампочки...

И я потеряла ощущение реальности. Чувствовала только, как горячая мужская рука ложится на талию, а другая беспардонно ползет по ноге... Выше... еще выше...

Ой... Да что же это такое? Почему я так на него реагирую?

Я вздрогнула и словно очнулась. Отшатнулась, поймала

убийственный взгляд Наллиса и покосилась на Арзавира. Тот выглядел очень довольным и кивнул, будто одобрял.

– Ладно. Я поручу тебя слугам, – немного зло сообщил Наллис, отдергивая руки, будто обжегся. – Кстати, я тут... хм... король. А Арзавир – мой брат и тоже король. Мы правим совместно.

Он поднялся и направился к двери настолько поспешно, словно убегал от кого-то. Арзавир остался у окна и не двинулся с места, кажется, даже не шелохнулся. Наллис замедлил шаг и повернулся к брату:

– Ты не идешь?

Арзавир пожал плечами и невозмутимо изрек:

– Не надо так на меня смотреть. Я останусь. Покажу девушке наш мир и Академию управления магией перевертышей. Ей нужно научиться владеть даром. В конце концов, кто-то же должен исправлять твои ошибки? Ты почти утопил человека. Чудо, что у нее оказались наши гены! Иначе ты стал бы убийцей. Представляешь, как это воспринял бы народ? Рано или поздно все тайное становится явным. А как к этому отнеслись бы в Ррайтане? Ты же знаешь, как нам это важно!

Ноздри Наллиса начали раздуваться, кулаки сжались. Он еще немного постоял у порога, фыркнул и выскочил вон. Дверь со страшным грохотом ударилась о косяк и неприятно задребезжала.

Хм... Какой нервный мужчина... И... страстный... А с

виду и не скажешь. Надо же! Взял моду! Подглядывать за туристками в воде в теле акулы! Хотя бы дельфином притворился, что ли... На худой конец – большой и наглой карака-тицей...

Внезапно мне стало ужасно весело. Я хихикнула и залилась хохотом. Арзавир окинул меня понимающим взглядом:

– У тебя скачут эмоции, так всегда при перерождении, – произнес он мягко и почти ласково. – Ну что? Переоденься, и начну знакомить тебя с нашим миром. А то в купальниках у нас обычно не ходят. Уж либо совсем нагишом, после обращения, либо одетыми. Но менять ипостаси тебе еще учиться и учиться. Так что лучше надеть что-то более-менее традиционное. Для нас, я имею в виду.

Он подошел к невысокому шкафу из странного зеленого материала, похожего на дерево и камень одновременно.

За испещренной серыми прожилками дверью оказался набор туник, свободных брюк и юбок в пол. Все – приятных глазу, но приглушенных тонов. Похоже, здесь и впрямь одевались очень традиционно, даже скромно. Впрочем, какая разница?..

– Белье на полочке, наверху, – кивнул Арзавир. – Жду тебя за дверью, – и вышел быстрее, чем я успела рот открыть.

На ощупь зеленый шкаф оказался гладким, и впрямь как малахитовый, но дверца была теплой и очень легкой.

Я стянула купальник и с удивлением обнаружила, что он совершенно сухой. Даже теплый, будто выглаженный.

Еще больше удивилась, когда выяснилось, что одежда совершенно впору. Будто прямо на меня и шилась! Даже белье! Ого! Долго же этот Наллис за мной «наблюдал»! Да и глаз у него, похоже, наметанный. Размеры девушек определяет за несколько метров.

Внутри опять начала закипать злорада – меня аж потряхивало, злые слова в адрес зеленоглазого так и крутились на языке. Я нервно влезла в первые попавшиеся черные брюки с туникой, захлопнула дверцу шкафа и подошла к окну, стараясь успокоиться.

Словно по заказу, туман сдуло мощным порывом ветра, и взгляду открылся самый удивительный, самый невероятный город, какой только можно представить. Раскрашенный во все цвета радуги, яркий, как стайка морских рыбок.

Здания устремлялись ввысь на тончайших ножках, будто диковинные цветы, да и формой напоминали плотные бутоны с множеством лепестков и длинным пестиком-шпилем.

Между ними извивались и переплетались в причудливые узоры дороги. Они словно зависли в воздухе, как и мосты, и странные треугольные постройки, покрытые черепицей-чешуей ярко-оранжевого цвета.

В городе было светло, как в жаркий полдень на юге, но солнца я не увидела. Наверху раскинулось голубое небо. Или не небо...

Окно не открывалось. Я не нашла ни защелки, ни ручки. Будто ставни намертво приделали друг к другу.

Внезапно громадный кусок розового тумана налип на стекло и полностью закрыл обзор.

Я резко развернулась и увидела Арзавира.

Он наблюдал за мной, чуть наклонив голову, со странной полуулыбкой.

– Нравится? – спросил внезапно, шагнул навстречу и остановился настолько близко, что мощная грудь очутилась на уровне моих глаз. Серебристый узор на вороте королевской туники напоминал длинную стайку рыбок.

– Этот город... Он где? На другой планете? Мы уже не на Земле? – вырвалось у меня.

После перевертышей и акулы-короля, который преследует бедных туристов, я могла ожидать чего угодно. Тем более Арзавир – тоже король...

Улыбка нового знакомого стала загадочней, бирюзовые глаза прищурились.

– Это Земля. Ну, может, не совсем Земля. Мы просто в другом измерении.

– Где-где? – уточнила я, растерянно сглатывая.

– В другом измерении, – невозмутимо произнес Арзавир. – Сюда могут проникать только перевертыши. Наша особенная аура – что-то вроде пропуска. Но мы все еще на Земле. И если преодолеть границы города, ты попадешь в море. Мы там регулярно плаваем в обличье морских животных, моллюсков и рыб.

– И пугаете туристов насмерть, – недовольно хмыкнула я.

Странно, но моя, казалось бы, невинная шутка совершенно выбила Арзавира из колеи. Он нахмурился, передернул плечами и уставился в окно.

– Да это... В общем, совпадение, – голос короля звучал будто даже немного зло, досадливо. – Наллис сглумил. Он за тобой три дня наблюдал... Ну и решил приблизиться. Уж не знаю зачем.

– Вот и я не знаю! – возмутилась я. – И что мне теперь делать? Заново устраиваться в новом мире? У меня есть друзья, работа, родственники. Пусть дальние, но все же... Пусть я не слишком довольна своей профессией рекламщика. Устала впихивать людям то, что им совершенно не нужно... Но это же не значит, что меня нужно лишать всего! Понимаете – всего! Прежней жизни, окружения, дома, средств к существованию, наконец!

На долю секунды жалость к себе заставила сердце больно сжаться, веки обожгли слезы. Я призналась Арзавиру в том, в чем боялась признаться даже самой себе. Боялась с той самой минуты, когда очнулась и поняла: все вокруг реально, а вовсе не сказочный сон. Душу разрывало ощущение полного одиночества. Никто мне здесь не поможет, никто не выручит. Некому будет поплакаться, если нагрянет беда, не к кому бежать в поисках защиты...

Да и что я вообще буду здесь делать? Рекламирывать, как замечательно местные короли подсматривают за туристками? Вплоть до полной потери пульса в прямом смысле сло-

ва?

Внезапно нахлынула апатия. Захотелось лечь на кровать, свернуться в позе зародыша и не вставать больше.

Арзавир внимательно следил за моим лицом и все больше хмурился. А когда я совсем расклеилась и слезы потекли по щекам, король взял за плечи и немного встряхнул.

– Ирида. Я понимаю тебя, – произнес он медленно, почти ласково. – Ты потеряна. Все вокруг непонятное, странное, фантастическое для обычного человека. Кажется, что все важное и дорогое осталось там, в другой жизни. А тут еще эмоции перерождения... Но если посмотришь на ситуацию здраво, то увидишь и хорошие стороны.

Я вгляделась в лицо Арзавира с немым вопросом, и король не заставил себя долго упрашивать:

– Ты будешь жить бесконечно долго. Ты сильно помолодела, если еще не заметила. Я знаю, бывал в мире людей. Там нужно много работать, «пахать», как вы говорите, чтобы обеспечить себе пропитание, жилье. У нас же многое достигается с помощью особой энергии моря, его жизненной силы. Видишь вон те треугольные башни?

Я кивнула.

– Там концентрируется жизненная сила моря. Преобразуется в нечто иное. Благодаря этой особенной энергии мы строим здания, превращаем камень в пыль, создаем еду и одежду. Нужны лишь исходные материалы. А еще мы охотимся на волшебных существ, о которых люди даже не подо-

зревают, плаваем в магических шарах. Ты все это увидишь, Ирида, поучаствуешь лично!

Я помотала головой.

– Почему Ирида? Меня зовут Та...

Арзавир поспешно приложил громадную ладонь к моему рту, не дав договорить.

– Не называй свое земное имя. Это твой стоп-кран, Ирида. Когда будет совсем плохо, произнесешь его – и море поможет. Но только один раз. Оно тебя убило, и у него перед тобой долг. Ты затребуешь этот долг в самую тяжелую минуту. В общем... ты поймешь когда.

– А почему все же Ирида? – постаралась я сосредоточиться на том, что хотя бы понимала. Объяснения Арзавира про помощь моря, его долг передо мной звучали отборным бредом.

– Ирида на нашем языке означает «перерожденная», – улыбнулся Арзавир.

И вдруг придвинулся вплотную, наклонился к моему лицу, обдал его жаром рваного дыхания. Замер, лихорадочно сверкая бирюзовыми глазами. Губы его налились кровью, на щеках выступил пунцовый румянец. Мне стало очень не по себе, удушливое волнение поднялось изнутри. Арзавир странно дернулся, поспешно отстранился и произнес уже совсем другим, будничным тоном:

– Ну? Идем? Мне многое нужно тебе показать. Тебе придется учиться в Академии перевертышей. Нужно освоить

превращения, управление нашей особенной магией и энергией моря. А это очень непросто, уж можешь мне поверить. Наши подростки до определенного возраста ничем не отличаются от людей. А потом... потом они получают способности и должны научиться владеть ими, чтобы самостоятельно жить в нашем мире.

Меня словно по голове ударили, в желудке похолодело.

– Мне придется учиться среди подростков? Мальчиков и девочек? Я же...

Вместо ответа Арзавир загадочно улыбнулся, развернул меня к большому овальному зеркалу на стене, и... некоторое время я не могла даже слова выдавить. От удивления рот приоткрылся, дыхание сбилось.

Из серебристой глади стекла смотрела юная девушка, похожая на меня шестнадцатилетнюю. Только лучше.

Мелкие, правильные черты лица, лучистые темно-карие глаза с красноватым отливом, золотисто-рыжие волосы до пояса и точеная фигурка. Меня будто омолодили раза в два, убрали все дефекты внешности – шрамы, несовершенства кожи, фигуры. И все же... внутри, в душе, я не чувствовала себя подростком, по-прежнему ощущала себя взрослой, зрелой женщиной... Хотя... может, в этом и кроется мое преимущество? Я ведь уже переживала взросление, попытки найти себя, выделиться среди остальных ребят, отвоевать место в черно-белом подростковом социуме, где внешнее ценнее внутреннего, а пыль в глаза – самое удачное средство

заслужить уважение...

Мой опыт поможет не совершать прежних ошибок, освоиться тут намного быстрее. По крайней мере, очень хочется на это надеяться... Других вариантов-то все равно не предвидится.

– Вот! Уже лучше, – похвалил Арзавир. И очень мягко, осторожно погладил по спине. И почудилось, что его горячая ладонь вздрагивает, как от сильного волнения. – Идем. Тебя ждут Академия и новый мир.

Я выдохнула, будто собиралась нырять в ледяную прорубь морозным утром. Крутанулась на пятках, и мы стремительно покинули комнату.

Глава 2

Где бы ни находился удивительный город, куда я попала, но здесь было очень тепло, пожалуй, даже слишком. Солнце не жарило, не обжигало кожу, но влажный горячий воздух так и лип к телу.

Хорошо, что я отлично переношу зной, иначе схватила бы солнечный удар, едва покинув комнату.

Мы вышли не в коридор, не в подъезд, а на удлиненную площадку снаружи здания, похожую на высунутый чудищем ярко-розовый язык. По счастью, достаточно широкий, просторный, чтобы не пугаться высоты. Земля, или что там внизу было, располагалась так далеко, что редкие пышные деревца выглядели не больше монетки.

Отсюда город представлялся еще более сказочным, нереальным.

Клочки розового тумана метались в небе, слипались и рассыпались на мелкие ошметки, словно куски сахарной ваты. Шальной ветер гнал их, перекачивал туда-сюда, уносил ввысь и вдруг резко швырял на макушки деревьев. Тонкие «стебельки» цветов-зданий казались настолько хрупкими, что я поразилась, как они выдерживают тяжелые, пусть и красивые «бутоны». Как не раскачиваются, даже не колыхнутся от сильных порывов теплого ветра.

Дороги «плавали» в воздухе без единого признака опоры,

будто парили в невесомости – двигались, меняли форму, изгибались и вдруг выпрямлялись снова.

Я вздрогнула, ощутив на плече теплую руку Арзавира, и обнаружила, что король совсем рядом – еще миллиметр, и я прижмусь к его крепкой груди.

– Добро пожаловать в Тоскальту, столицу Миллалии. В переводе с нашего языка – город, парящий в воздухе.

– Это уж точно, – кивнула я. – Прямо против физики.

Арзавир довольно хмыкнул.

– Физика тут ни при чем. Все дело в магии. Каждое здание здесь пропитано энергией, обладает уникальной аурой, как живое существо. Само восстанавливается... Ну, до определенного предела. Может даже подрасти на пару этажей. И за счет ауры, энергетики держится на весу.

– А дороги? – не удержалась я от вопроса.

– Дороги тоже. Они удлиняются каждые десять лет. Кстати, обрати внимание – все трассы до единой подстраиваются под погоду, воздушные течения, а иногда даже под ветер.

– Поэтому меняют форму и изгибаются?

– Молодец! – кивнул Арзавир. Рука его на моем плече стала заметно горячее, пальцы вновь начали вздрагивать. – Нам нужно во-он туда. – Светловолосый король ткнул пальцем вперед, в дальнее здание, похожее на нераспустившийся тюльпан. – Это Академия перевертышей, и там же – общежитие. Но ты будешь жить в гостевом домике, возле королевского замка. Увидишь его позже. После визита к ректору

и сегодняшних занятий.

– За что мне такая честь? – уточнила я, все еще плохо представляя, как мы по воздуху, без вертолета и крыльев, переместимся в то далекое здание.

– Это что-то вроде извинений... хм... за нашу династию, – пожал плечами Арзавир, и губы его дрогнули в странной улыбке. – Я должен был пресечь эти глупые вылазки Наллиса к туристическим пляжам! – неожиданно горячо, резко и гневно выпалил он. – Но я проявил слабость. Подумал, что брату не помешает развеяться. Тем более что он принял на себя ношу за нас обоих.

Я удивленно приподняла брови, не решаясь спросить, о чем это он. В конце концов – с чего вдруг могущественному королю исповедоваться перед туристкой, даже если она вдруг оказалась существом его расы.

– Видишь ли... – Арзавир немного наклонился, и жар его тела окутал меня, проникая под одежду, под кожу, бирюзовые глаза просияли. – Миллалии, нашему королевству, срочно требуется вливание чужой ауры. Ауры другого государства. Иначе все начнет разрушаться, умирать, как живая природа без мутаций в генокоде. Города, здания, дороги... И мы нашли выход. Неподалеку от Миллалии, тоже на Земле, в нашем измерении, располагается Ррайтана – другое королевство перевертышей. Мы попросили их монарха о помощи. Он согласился. Но с условием, что один из нас женится... на его дочери. Вначале мы хотели бросить жребий. Девушка

милая, приятная, но ни один из нас ею не увлекся, и хотелось решить все по-честному. Но... Лилофея выбрала Наллиса. Вернее, не совсем так. Она призналась отцу, что без ума от моего брата, и тот согласился на брак. В общем... я вроде как ему обязан. Поэтому и смотрел сквозь пальцы на его выкрутасы. Да и самому Наллису очень непросто сейчас. Он видит в Лилофее в лучшем случае подругу, дальнюю родственницу. А должен будет жениться, исправно исполнять супружеский долг, хранить верность, рожать детей...

Арзавир умолк, и лишь его шумное дыхание нарушало тишину небесного города-сада.

До нас долетали слабые запахи – сладко-кислые, очень приятные – они напоминали ароматы фруктового мармелада. Где-то вдалеке весело перекрикивались птицы... или кто-то, очень похожий на них по голосу.

И я вдруг поняла, что королям просто не с кем поделиться. Они там, где-то высоко на троне – великие и недостижимые для простых граждан. Между собой Арзавир и Наллис, видимо, тоже не особенно откровенничали. Один остро чувствовал вину за то, что брат вынужден жениться на нелюбимой. Другой не желал признаваться в том, как ему плохо.

Меня посетило странное ощущение. Вроде бы никого здесь толком не знаю, едва появилась, и все мне в новинку. Но самые могущественные существа нового мира признаются мне в слабостях просто потому, что именно я подвернулась им под руку. А еще... еще, наверное, потому, что я не

относилось к ним так, как подданные, слуги или придворные, если они тут вообще присутствовали.

Я очутилась здесь внезапно, словно из ниоткуда, и чувствовала себя свободной от местных условностей хотя бы потому, что понятия о них не имела. По крайней мере пока. Я вгляделась в лицо Арзавира. Губы его дрогнули в слабой улыбке, а глаза просияли снова: кажется, король понял, о чем я размышляю.

– Ладно, поехали. Покажу тебе, как мы тут передвигаемся! – бодро произнес Арзавир, и в голосе его на долю секунды промелькнула почти мальчишеская, шаловливая интонация. – Учись!

Король подхватил меня под руку, прижался горячим боком, и... мы заскользили по воздуху. Ах нет! Не по воздуху. Под ногами обнаружилась та самая «подвижная трасса» – зеленая, как и здание, откуда мы вышли. Скользкая, как лед, и теплая, как грелка. Ух, ничего себе! Устоять на ногах, не упасть, не поскользнуться и не навернуться стоило мне огромных усилий. Хотя Арзавир поддерживал твердой рукой, ноги так и норовили вырваться вперед, уложить тело на обе лопатки, прямо на невидимый теплый лед.

О-го-го!

В ушах засвистел ветер – мы набирали скорость. Я совершенно не успевала глазеть по сторонам, не говоря уже о том, чтобы посмотреть вниз, под ноги.

Уши начало закладывать, я зашаталась, стараясь удержать

равновесие, и твердая опора исчезла из-под стоп. Но вместо того, чтобы рухнуть вниз, расплющиться всмятку, я очутилась на руках у Арзавира. Он прижал меня так, что дышалось с трудом, и мы сделали несколько невероятных выражений. Казалось, дорога и не дорога вовсе – американские горки, только без красивых ярких вагончиков и развеселой диснеевской мелодии.

Мы взлетали вверх, кувыркались, ракетой устремлялись вперед, резко сворачивали, так, что дух захватывало, огибали здания-цветы и продолжали путь.

И вдруг резко затормозили на такой же площадке-языке, как та, с которой начали путь.

Я думала, Арзавир сразу отпустит меня, но он лишь прижал сильнее. Криво улыбнулся, тут же натянул на лицо невозмутимую гримасу и осторожно поставил меня на ноги.

Перед нами возвышался темно-синий замок-буتون с сотнями башен, арок и переходов. На площадке никого не было, и что-то подсказывало – занятия идут полным ходом, а мне, бедовой, придется встраиваться в середину учебного семестра.

Арзавир не утешил, лишь подтвердил нехорошие подозрения:

– Сейчас, когда море особенно теплое, наши всюю учатся. В отличие от людей. У нас длинные каникулы зимой и весной, а все лето активно идут занятия. Сейчас пройдем к ректору, и я объясню ситуацию. Такого у нас еще не случа-

лось. Вернее, случалось, несколько сотен лет назад. Так что прецедент, в общем-то, есть. Но все равно ситуация из ряда вон выходящая.

Широкий «язык» привел нас к самой странной двери, что я видела за всю свою жизнь. Формой она напоминала овал и по мере нашего приближения словно выдвигалась навстречу. М-да... пугающе.

Я посмотрела на Арзавира. На его спокойном лице не дрогнул ни один мускул. Значит, дверью нас скорее всего не ударит. Король покосился в ответ, хмыкнул и аккуратно подтолкнул меня в спину.

Мы притормозили неподалеку от двери, она выдвинулась еще и уехала куда-то в сторону. Пока входили внутрь, перешагивая через порог в форме морской волны, я специально посмотрела на косяк. Нет, ни петель, ни механизмов, которые бы двигали дверь, там не обнаружилось. Толстый темно-синий эллипс словно завис в воздухе.

Внутри здание походило на университеты моей юности. Громадные холлы, высоченные потолки, коридоры с множеством аудиторий и лестницы – такие, что подниматься по ним можно толпами.

Здесь пахло свежескошенной травой и натянутой струной звенела тишина.

Меня посетила ностальгия по далеким временам, когда сидела на подоконниках, болтая с одноклассницами, и получала замечания от преподавателей. Когда усиленно строчила

вслед за быстрой речью лектора, а потом читала дома и ухатывалась. Помню, с лекций по истории я принесла домой длинную, но очень монотонную эпопею. Она состояла из почти одинаковых фраз: «Они пришли, взяли город, разграбили и ушли. Они пришли, взяли город, ограбили и ушли. Они наложили дань... Они пришли, взяли город, разграбили и ушли...» Знать бы еще, кто эти воинственные «они» и что за «города» подверглись нападениям, – цены бы не было тексту... Но вот именно этого я записать и не успела. А ведь на лекции чудилось: ухватила самое важное.

Вспомнились и лабораторные работы по химии, куда нас, студентов факультета пиара и журналистики, пригласили, наверное, из чувства особого садизма. Какое-то время мы мялись у дверей аудитории, с ужасом глядя на лаборантку в белом халате и преподавателя с вздыбленной белой шевелюрой, чем-то неуловимо похожего на Эйнштейна.

Когда гляделки уже всем наскучили, я, как староста потока, вышла вперед и спросила, обводя взглядом десятки банок, склянок, колб и прочих неведомых сосудов:

– Простите? А откуда и что тут у вас наливается?

Вот тут препод и заподозрил неладное. Внимательно осмотрел притихшую группу и уточнил:

– Простите, вы с какого факультета?

– Пиара и журналистики! – весело ответила я.

Препод сглотнул, икнул, и шевелюра его стала еще пышнее.

– Давайте для начала прослушаем лекцию, – спустя пару минут тягостного молчания нашелся бедолага. К тому моменту группа уже начала с любопытством разглядывать колбы и сосуды с разноцветными жидкостями, а лаборантка пятилась к окну.

Мы расселись за партами, между стройными рядами лабораторных столов, и все занятие слушали, как и чем можно убиться, отравиться, взорваться на практике по химии.

Под конец, когда одnogруппники уже даже не косились в сторону установок, препод ткнул пальцем в потолок и победоносно изрек:

– И если вы закончили практику целыми-невредимыми, запомните! У нас еще и колбы взрываются!

В аудитории воцарилась испуганная тишина – кажется, это была минута молчания, дань уважения кабинету и установкам после нашего вандализма. Но препод и тут нашелся:

– Ребята! Предлагаю компромисс! Будем решать задачки! А эксперименты оставим потокам с химфака. Что скажете?

Наверное, именно про такую реакцию, как наша в ту счастливую минуту, и пишут: «И в воздух чепчики бросали».

– Ирида!

Я вдруг сообразила, что унеслась в воспоминания, в то время как Арзавир рядом, и мы уже подходим к кабинету с надписью «Карлиман Мали, ректор Академии морских перевертышей».

Без предупреждения, без стука Арзавир распахнул дверь

и, подхватив меня под руку, почти внес в помещение.

Очень светлая комната, с двумя стенами-окнами от пола до потолка, больше ничем не отличалась от обыкновенного рабочего кабинета. Правда, и высокий шкаф-солдатик, и стол, и кресла, и даже диван были сделаны из странного полупрозрачного материала. Внутри него плавали и мерцали искорки, похожие на остатки фейерверка.

Ректор встал из-за стола и поклонился Арзавиру, поглядывая на меня раскосыми темно-травяными в черную крапинку глазами.

Глава Академии отличался от людей так же, как и короли. «Фирменной» совершенно гладкой кожей без малейших признаков растительности, волосами, похожими на желтые шелковые нити, – и больше ничем.

Передо мной выпрямился и скрестил руки на груди крупный мужчина. Немного грузный, но не слишком, с квадратным лицом и массивной челюстью. Одевался он почти так же, как Арзавир с Наллисом. В свободную белую тунику, правда, с воротом под горлышко, и не то чтобы свободные – скорее мешковатые черные брюки. Несмотря на это, костюм ректора выглядел больше строгим, чем хипповатым.

– Карлиман. Я привел тебе новую студентку. Нужно устроить ее в начинающий поток. К тем, кто еще не умеет обращаться. Представить преподавателям и студентам как сироту из Ррайтаны. Дальнюю родственницу королевской династии.

Ректор заломил густую желтую бровь, спрятал руки в карманы, но промолчал. Арзавир тоже немного помедлил, будто решал, оставить Карлимана вообще без информации или все же поделиться хотя бы толикой.

После недолгой паузы король разразился объяснениями:

– Эта девушка, Ирида, перерожденная. Утонула, брат пытался оживить ее искусственным дыханием и...

– Я понял, – кивнул ректор. – Интересно. Я слышал, что есть люди с неактивными генами перевертышей. Те, кто может перерождаться через смерть. Вроде бы даже одна жила в нашем королевстве, а потом уехала в Ррайтану. Когда же это было? – Он вскинул глаза к высокому сводчатому потолку кабинета.

– Почти пятьсот лет назад, – прервал мучения Карлимана Арзавир.

– Хорошо, – снова кивнул ректор. – Все сделаю. Не беспокойтесь.

Король отступил к двери и оттуда через плечо бросил:

– Вечером мы придем за ней дворецкого. Так что общежитие не готовь.

Теперь поднялись уже обе брови ректора. Карлиман уставился вслед Арзавиру так, словно надеялся, что король вернется, объяснит – с чего вдруг такое участие в судьбе безродной человечки.

Еще бы! Арзавир не сказал главного: что утонула я благодаря Наллису! Можно даже сказать – из-за его глупости,

нелепой прихоти подглядывать за туристками.

Ненадолго в кабинете ректора воцарилась звенящая тишина. Такая, что мне стало неловко и неудобно. Даже странно. Пока рядом ощущался горячий бок Арзавира, я чувствовала себя почти как дома. Но едва король скрылся из виду, почудилось, будто почву выбили из-под ног. Я опасливо покосилась на ректора. Он в долгу не остался: оглядел с головы до ног, немного помедлил и неожиданно радушно произнес:

– Ну что ж. Если короли принимают в вашей судьбе столь живое участие, я лично провожу вас в группу. Всем, кто спросит о вашем происхождении, отвечайте, как предложил его величество. Вы сирота, из Ррайтаны. Находитесь в родстве с династией Хэйлимов. Если спросят – в каком именно, загадочно говорите о государственной тайне. Пусть думают, что вы какая-нибудь незаконнорожденная принцесса, на худой конец – герцогиня. Так легче скрыть правду. О байстриюках родовитых династий у нас говорить не принято. Их существование, происхождение тщательно скрывают от широкой общественности. Но порядочные знатные родители всегда принимают живое участие в судьбе отпрысков, помогают им и поддерживают. Это нечто вроде долга чести. Так что вашему появлению в лучшей Академии Миллалии никто не удивится. На вопрос, как вы тут оказались, объясняйте следующее. Вас приютили монархи в благодарность соседскому королевству за обмен аурой и поддержку энергетики нашего государства. Все ясно? Запомнили? Или повторить?

Запомнить короткую «легенду» труда не составляло, а вот странные фамилии местных династий – совсем другое дело.

– Как, говорите, называется та династия? – уточнила я.

– Хэй-ли-мы, – медленно, нараспев ответил ректор, делая ударение на первом слоге. – Запомнили?

– Хэй-лимы! – отчеканила я.

– Отлично! – похвалил ректор и указал на дверь. – Тогда пойдем знакомиться с потоком. Сегодня они как раз приступают к изучению основ превращений. Поэтому вам придется непросто. Но если гены активировались, значит, превращение – дело времени и усилий. Кому-то оно дается сразу же, кому-то нет. Главное тут – терпение и усердие. Первым делом найдете самую удачную для вас животную форму. Затем освоите и другие, более-менее подходящие по размеру и весу.

М-да... речь истинного ректора. Хоть в рамочку вешай. Прилежание и усердие – вот залог успеха в нашем вузе.

– А если не получится? Двойка? – усмехнулась я. Получить двойку, разменяв четвертый десяток, казалось ужасно смешным, курьезным и даже глупым.

– У нас тут не ставят оценки за мастерство превращений, – обнадежил ректор. – Только за магию. Ее пока еще никто не проходил. Начнут со следующей недели. Превращения нужно просто освоить. Вот и все.

Я решительно кивнула, и ректор направился на выход.

Секунду я медлила – ноги словно приросли к полу. Вне-

запно охватил сильный страх, даже в желудке похолодело. Черт! Я же сейчас окажусь среди подростков, в роли такого же подростка! Я так привыкла общаться с молодежью с позиции взрослого – более сильного, правого, умного. А сейчас, здесь, меня будут воспринимать как равную, ждать доказательств «крутости» или как там это у них называют? И если ничего не выйдет, придется «примерить» на себя роль омеги, отверженной и одинокой. Не то чтобы я жаждала завести друзей среди местных юношей и девушек, собиралась проводить с ними время, развлекаться... Я вообще не очень-то представляла, как смогу разделить интересы ребят. Да что там интересы – хотя бы поддержать беседу. Ведь то, что их волнует, для меня давным-давно пройденный этап. А то, что пережила я, им не понять при всем желании.

Размышляя, я так и стояла посреди кабинета ректора, глядя, как удаляется его широкая спина.

Карлиман отошел от двери на несколько шагов, развернулся и сделал приглашающий жест. Я выдохнула и двинулась следом за ректором. Все равно путей к отступлению не предвиделось.

В светло-голубых холлах и коридорах все еще царила тишина. Из аудиторий слышались зычные голоса лекторов, и с каждым шагом я ощущала себя все более фантастично, нереально.

Вспоминались сны, где я снова в школе, в университете. Сижу за партой, слушаю лекции, трясусь перед зачетами и

экзаменами... Просыпаясь, я неизменно смеялась над собственными переживаниями в царстве Морфея. Выдыхала, осознав, что на самом деле все эти треволнения далеко позади, а впереди – только взрослая жизнь. Независимая от преподавателей, посещаемости, зачетов и экзаменов. И вот на же тебе!

Я так задумалась, что едва не протаранила спину ректора лбом. Карлиман остановился возле высокой голубой двери без опознавательных знаков и даже без номера аудитории. За ней слышался высокий, хорошо поставленный мужской голос.

Карлиман распахнул дверь, и я поняла: все, назад пути нет.

Ректор молчаливо подтвердил это, беспощадно подтолкнув меня вперед, в неведомое. Пришлось войти – на неверных ногах, под барабанный бой сердца в ушах. И с ужасом оглядеть поток.

Студентов было много – не меньше сотни. Под прицелом внимательных глаз стало очень не по себе. Захотелось бежать, еще лучше – вернуться на Землю, на работу, домой, в конце концов.

Я с опаской покосилась на ряды. Подростки как подростки. С такой же кожей и волосами как у всех перевертышей, но в остальном – не хуже и не лучше. В знакомых туниках всех цветов радуги и либо свободных брюках, либо длинных юбках. Забияки толкали соседей локтями и кивали то

на меня, то на ректора. Болтуны шушукались, указывая на нас пальцами. Скромники сидели как сидели, только глаза их бегали от меня к Карлиману. «Хорошие ученики» выпрямились и деловито изучали.

Но у меня никак не получалось себя с ними ассоциировать. Ну как я могу стать одной из них? Я же вижу, что брюнетка в центре переднего ряда, с идеальной французской кожей и тонкими чертами лица, из кожи вон лезет, поддерживая имидж «альфа-стервы». Но смотрит на блондина с пятого ряда влюбленными глазами. А блондин явно из «высшей лиги». Весь такой холеный, с красиво выточенными чертами лица и ярко-изумрудным взглядом в стиле «никто не достоин даже моих следов».

Вижу, что тихоня-шатенка с третьего ряда, худенькая и изящная, изо всех сил пытается общаться с соседками. А крепко сбитые девицы с явным намеком на лидерство отвечают ей нехотя, с нарочитой задержкой, после нескольких дерганий за руку.

Вижу, что троице на галерке ни до кого и не до учебы. Коротко стриженные амбалы с грубоватыми, мясистыми чертами и не обремененным интеллектом взглядом выясняют, кто тут альфа-самец, а кто – альфа-дурак.

Ни до чего и сладкой парочке влюбленных двумя рядами ниже. Брюнет с длинным хвостом и орлиным профилем шепчет что-то на ушко курносой полнокровной блондинке. Та хихикает, краснеет, отвечает явно невпопад, снова хихи-

кает и краснеет.

Пока я разглядывала ребят, а ребята – меня (по крайней мере те, кто не был занят другими, куда более важными для подростка делами), Карлиман успел просветить препода. И тот, очень высокий, жилистый мужчина лет тридцати, с мелкими чертами лица и пронзительным карим взглядом, выбросил вперед руку с длинными, тонкими пальцами. Поток понял и воспринял всерьез. Все замолкли. Только троица амбалов на галерке продолжала выяснять, кто дурак, а кто debil, да сладкая парочка двумя рядами ниже будто бы вообще не заметила жеста препода.

Карлиман стремительно вышел вон, и я осталась одна. А препода громко объявил:

– Ребята! Рад сообщить вам, что в группе двадцать три пополнение. Эта девушка только что прибыла из Ррайтаны, находится под покровительством династии Хэйлимов и нашей династии – Хейларов – тоже. Прошу любить и жаловать – Ирида.

Кажется, фамилиями-отчествами тут в общении практически не пользовались.

Услышав о моей необычной родословной, группа притихла окончательно. Даже амбалы с верхних рядов наконец-то обратили внимание на происходящее. Самый смышленный из них, если судить по высокому лбу и хитровой улыбке, подмигнул так, словно приглашал познакомиться. Сладкая парочка прервала свой флирт и тоже уставилась на меня.

– Вы можете сесть, – предложил препода. – Меня, кстати, зовут Яцеслав.

Я едва сдержала смешок – уж больно имя препода напоминала о яйце.

Студенты поняли. Одобрительные хихиканья и шепотки долетели из «зала», но Яцеслав обвел всех строгим взглядом, и поток притих в очередной уже раз.

Я растерянно изучала прозрачные парты и такие же ряды кресел. Впереди свободных мест не было, но студенты начали двигаться, явно предлагая соседство странной протее сразу двух королевских династий. Но я решила разместиться наверху, на галерке.

Смышленный амбал с фиалковыми глазами приглашающе махнул рукой, будто угадал направление моих мыслей. Я вздохнула и поднялась на последний ряд.

Парень легким движением плеча сдвинул соседей, освобождая мне место почти посередине парты.

По счастью, ни ручек, ни амбарных тетрадей, ни сумок с десятками учебников у студентов не обнаружилось. Все они прибыли сюда с пустыми руками, как и я.

Когда я уселась, амбал наклонился к уху и шепнул:

– Меня Рамзор зовут, симпатяшка. Держись поблизости, и никто тебя не тронет.

Сказал и сверкнул глазами так, что я, взрослая тетенька, поверила парню.

Тем временем Яцеслав продолжил лекцию. И я сразу

вспомнила своего школьного историка. На уроках он говорил вот таким же поставленным голосом, без малейшей интонации, постепенно переходя на все более и более тихую речь. Не уснуть на таких занятиях стало настоящим искусством, сродни шаманству. А всех придремавших ждало жестокое наказание – историк подскакивал к ним и орал на ухо название какой-нибудь средневековой казни. Не знаю уж, как мы не остались заиками. Зато каждый хулиган и лоботряс твердо усвоил, что четвертование – не математический термин, а ублиетта – вовсе не название блюда.

Но здесь, несмотря на монотонность лекции, тема очень заинтересовала меня. Яцеслав рассказывал о том, что превращение перевертышей – настоящее искусство, дар нашей особой энергии. Чтобы научиться переходить в животную ипостась, нужно четко представлять, кем именно ты хочешь стать, и прочувствовать это. Первое меня не смущало, а вот второе – даже очень. Яцеслав подробнейшим образом объяснял, как вообразить, что твоя кожа стала гладкой и плотной, волосы исчезли, из шеи плещется фонтанчик воды, а вместо задних ног – массивный рыбий хвост. Но представить себя таким чудом-юдом у меня не выходило совершенно. Сокурсники закатывали глаза, делали напряженные лица, усиленно пыхтели и сопели, но выходило у всех одинаково – никак.

Яцеслав клятвенно обещал, что буквально после нескольких попыток вокруг нас образуется как бы аура животных, чью форму собираемся принять.

Еще несколько попыток – и смело можно будет подлетать к границе города, обращаться и плыть в море акулой, рыбой, китом.

Самая сложная часть процесса, если верить преподу, – это вовремя сменить одну ипостась на другую. Не захлебнуться человеком на морской глубине, не задохнуться рыбой на воздухе и не превратиться в беспомощного дельфина прямо посреди аудитории.

Пока у нас не выходило ничего – ни сложного, ни простого. Никакого «ореола» желаемого существа вокруг не возникало. Розовая, оранжевая или голубая энергия не клубилась возле тела, новые ощущения не появлялись.

Сокурсники выглядели растерянно, продолжали глупо закатывать глаза, напрягались, тужились, и все без толку. Я покосилась на Рамзора. Его хитрое лицо расплылось в улыбке, парень подмигнул и вдруг весь скрылся в синем облаке. Оно напоминало плотный сгусток дыма и шевелилось, ежеминутно меняя форму.

– Ну вот! Хоть кому-то удастся сгустить энергию! – радостно воскликнул Яцеслав, до этого момента продолжавший уныло объяснять одно и то же как заведенный.

Группа в едином порыве оглянулась, окинула Рамзора сотней завистливых взглядов и продолжила бесплодные попытки.

– Я просто уже обращался, – шепнул мне сосед. – А остальные нет. Как, видимо, и ты.

– И много у вас занятий на сегодня? – спросила я, чувствуя себя все больше не в своей тарелке. Жутко хотелось назад, к взрослой жизни, где не заставляют ничего воображать и не ждут, что у меня это получится.

– Еще теория и практика магии перевертышей. Она недолгая. А потом по домам, – снова подмигнул Рамзор. – Нас пока не особенно мучают. Первый курс. Это у следующих по пять-шесть пар в день. Магия такая, магия всякая. Охранная, аурная, городская, боевая... Заплывы в дальние участки моря и прочее. Мы пока просто отдыхаем, уж поверь.

– И долго мы будем тут «отдыхать»? – попыталась я оценить масштаб грядущих ненастий.

– Сегодня или в этом году? – задал умный вопрос Рамзор, сразу перескочив в моем воображении две ступени. От смышленного амбала до интеллектуала с внешностью шкафа.

– И то и то.

– Сегодня еще два часа тут и час на занятии по теории магии. А учиться еще шесть месяцев.

У меня аж глаза на лоб полезли. Шесть месяцев сидеть за партами! Учиться непонятно закатывать глаза и представлять себя рыбой! Господи! Жаль, что я не утонула! Пусть только Наллис попадется мне на глаза! Все ему выскажу, и даже не один раз! И может быть, не только словами!

Странная горячая волна вдруг прошлась по телу – словно в меня плеснули очень теплой водой. Неожиданно, немного

приятно и совсем непонятно.

Рамзор истолковал мое расстройство по-своему.

– Не переживай! – пихнул он меня локтем в бок. – Все получится. Энергия у тебя ну очень мощная. Даже я чувствую. А у меня аурная чувствительность близка к нулю. Освоишь. Просто это как... ну не знаю, интуиция, что ли... Нужно один раз прислушаться, догадаться, как действовать, – и все пойдет как по накатанной.

* * *

Два часа пролетели бездарно для студентов и не менее бездарно для преподавателя. У нас совершенно ничего не выходило.

Яцеслав из кожи вон лез. Окружал себя темно-зеленым туманом, менял его форму и так и сяк. Превращался то в фантомную акулу, то в кита, а то в громадную рыбину с острыми плавниками. Мы только хлопали глазами. И один Рамзор показательно окружал себя синеватым облаком, неизменно придавая ему вид гигантской треугольной рыбины, каких я еще не видела.

Под прицелом множества завистливых взглядов мой здоровяк-сосед чувствовал себя совершенно спокойно. Ни один мускул не дрогнул на его лице даже когда «альфа-стервы» с первого ряда бросили в сторону Рамзора презрительное: «Тоже мне, вундеркинд!» И фыркнули – каждая поочеред-

но. Ребята обсуждать громилу не рисковали. Наверное, с кулаками Рамзор управлялся не хуже, чем с магией перевертышей.

К концу занятия бесплодные попытки всем изрядно поднадоели. Периодические возгласы Яцеслава: «Ну это же так просто! Давайте! Попробуйте! У вас должно получиться!» начали ужасно раздражать. И мы были просто счастливы, когда препод тяжело вздохнул, махнул рукой и обреченно произнес:

– Урок завершен. До следующей встречи.

Я выскользнула из-за парты, покинула аудиторию и растерянно застыла в холле, не зная, что делать дальше.

Вот теперь вуз ожил. Толпы юношей и девушек сновали по нему, едва не сталкиваясь друг с другом. Вокруг витало столько запахов, что я с трудом сдержала чих. Аромат чего-то пряно-сытного напоминал о том, что меня тут еще не кормили. Сильные запахи мужских одеколонов и мягкие, но приторно-сладкие – женских духов проносились мимо волнами. Порой к ним добавлялись фруктовые или ягодные, я не разобрала.

Но что самое удивительное – от перевертышей совершенно не пахло потом!

Я ожидала, что они будут двигаться плавно, текуче, как подводные животные. Но не угадала. Движения перевертышей выглядели резкими, быстрыми и точными, как у атакующей змеи.

На меня почти не обращали внимания. Максимум – косые взгляды от девушек и оценивающие от ребят, с явным намеком, что грудь у меня ничего, да и попа, в общем-то, тоже.

Преподаватели в толпе выделялись сразу. Более жилистые, словно обтянутые тугими мышцами, заметно старше, с печатью мудрости на лице, они легко лавировали между студентами. Ребята почти всегда давали дорогу. Но порой, не глядя, натыкались на преподавов, что-то бормотали – наверное, извинения – и летели дальше.

Пока я суматошно озиралась, кто-то небрежно подхватил меня под локоть и потащил вперед. Пахло слабым цитрусовым запахом. Странно. Я все время ощущала его на лекции, но не придавала значения. Интересно, это у Рамзора свой такой запах или одеколон?

Я посмотрела на амбала. Тот невозмутимо несясь сквозь толпу, ведя меня под локоть. И кажется, студенты знали Рамзора – по крайней мере большинство. Нам уступали дорогу, натыкаясь, заполошно тараторили извинения и старались побыстрее покинуть «место аварии».

– Я просто троюродный кузен королей, – ни с того ни с сего поделился Рамзор, когда нам удалось прорваться к лестнице.

Бурные потоки учащихся стремились и вверх и вниз, с трудом расходясь друг с другом. Но нам освободили небольшой «коридор».

Два лестничных пролета наверх – и мы оказались в голу-

бом холле. Рамзор уверенно зашагал к одной из дверей, как и предыдущая, без таблички, номера и прочих опознавательных знаков.

Я притормозила и уточнила у спутника:

– А как вы различаете аудитории?

– У-у-у! Тебя совсем не учили магии перевертышей? – поразился Рамзор.

Я картинно пожала плечами, испустила тяжелый вздох и сделала вид, что признаюсь в страшной тайне. Привстала на цыпочки и шепнула на ухо здоровяку:

– Мной не особенно занимались. Я же так, байстрик...

Рамзор понимающе закивал, прижал мой локоть покрепче, словно пытался морально поддержать, ткнул пальцем в дверь и скомандовал:

– Посмотри как будто сквозь дверь!

То ли от неожиданности, то ли от безапелляционного тона Рамзора у меня все мгновенно получилось. И потрясенный возглас вырвался сам собой.

Из двери выплыло изображение. Оно походило на голограмму – нечто почти трехмерное, но виртуальное и немного светящееся. Мужчина и женщина, с длинными волосами и загадочными лицами, держали в руках то ли кусочки пламени, то ли диковинные морские цветы.

Над их головами растянулась надпись: «Начальные уроки магии перевертышей».

– Я ж говорил – аура у тебя мощнейшая, – довольно хмык-

нул Рамзор и потянул к двери, не трудясь объяснить, что именно он имел в виду.

Сладкая парочка, что миловалась на занятии Яцеслава, отпрянула от нас, как черт от ладана. Рамзор уверенно шагнул в лекционную и направился к верхней парте. Кажется, ему просто очень нравилось сидеть подальше от препода, потому что сейчас почти все ряды еще пустовали. Немудрено! Вряд ли кто-то еще сумел бы продрасться сквозь толпы студентов с нашей скоростью.

Не оставив мне выбора, Рамзор потащил вслед за собой, и мы заняли такие же места, как и в предыдущий раз. Тут же, по другую руку моего спутника, пристроились двое уже знакомых мне стриженных громил.

Рамзор кивнул на светловолосого, с носом-картошкой, и представил:

– Амбилар, тоже наш дальний родственник. А это, – следующий кивок предназначался черноволосому лопухому здоровяку, – так, приятель. Вместе ходим на борьбу.

– Ничего я не так! – искренне возмутился зеленоглазый амбал. – Меня, если что, Зуфаром зовут.

Тем временем аудитория стремительно наполнялась. Нижние ряды, как и полагается, заняли отличники и «королевы» потока. Брюнетка с французской косой разместилась в центре первого ряда и гордо вскинула голову. По сторонам от нее уселись еще две воображалы. Изящная блондинка с трогательно-острыми ключицами усиленно поправляла иде-

альный «колосок», заплетенный вокруг головы. Остроносая шатенка с длинной шеей и пышными формами до предела выпрямила спину и грудь, словно демонстрировала, какая она статная.

Брюнетка покосилась на одну соседку, на другую, нехотя обменялась с ними беглыми репликами и снова «приклеилась» взглядом к холеному блондину.

Тот сделал вид, что не замечает повышенного внимания, и вдруг обернулся ко мне.

Краем глаза я отчетливо заметила, как дернулся Рамзор: – Кармис? Ты что-то забыл на нашей парте? – почти выплюнул он.

Ага! А вот и разборки альфа-самцов в их самой гормональной, подростковой ипостаси. Только этого мне и не хватало! Но что делать? Назвался груздем – полезай в кузов. Притворилась подростком – получай издержки.

– Смотрю, ты прямо захватил внимание нашей новенькой, – скривил тонкие губы Кармис.

«Воображалы» с переднего ряда вонзили в меня убийственные взгляды. Похоже, такого внимания блондина еще ни одна из них не удостоивалась. Ну во-от! Еще лучше! Теперь у меня появились враги! Уж я-то знаю, какими бывают «королевы» потока! Эти пленных не берут, в переговоры не вступают, лежачих бьют с особенным наслаждением.

Сочувственно покосились на меня две «отличницы» с крайних кресел первого ряда. Курносая долговязая скром-

ница с коротким темно-русый хвостиком и невысокая, крепко скроенная брюнетка с фиолетовыми радужками.

Вспомнились «чудесные» студенческие годы. Первые два курса непрерывной и жестокой войны между моей компанией девушек и «королевами» – тремя занозами на высоченных шпильках даже в тридцатиградусный мороз, с неизменно идеальными прическами и настолько затонированными лицами, что они напоминали пластиковых кукол.

Черт! Почему я так струсила? Я ведь старше их раза в два и уж точно вдвое умнее. И если уважение мне еще нужно заслужить, то интеллект и мудрость прожитых лет не пропьешь!

Не говоря уже о том, что я не чувствую себя настолько «гормональной», как в далекие юношеские годы. И ненависть «воображал» для меня больше не конец света – так, легкая неприятность.

Я выпрямила спину, нарочито широко улыбнулась Кармису – парень аж сглотнул от удивления – и задорно подмигнула «отличницам». Девушки зашумелись, бросая на меня редкие, уважительные взгляды. Следующей моей целью стали «королевы».

– Не переживайте вы так! – крикнула я им через всю аудиторию, не обращая внимания на то, что свободных мест почти нет и сотни глаз сосредоточены на наших «скромных» персонах. – Я обязательно познакомлю вас с Кармисом поближе. У меня совершенно нет на него видов. А ваш интерес

заметен даже с заднего ряда.

Вот теперь группа затихла. Казалось, в аудитории взорвалась бомба или, на худой конец, вошел строгий препод и атаковал нас боевой магией.

«Королевы» замерли, глядя на меня расширившимися глазами – ошарашенно и оцепенело. Кажется, они и не подозревали, что новенькая может вот так кусаться. Яблоко раздора – Кармис – нервно сглотнул, недобро покосился в сторону «воображал» и процедил уже в мою сторону:

– Не больно-то и надо! Я с кузеном никогда из-за девок не спорил!

Рамзор, запрокинув голову, раскатисто захохотал, но вдруг резко прервался и выдал:

– Ну да! Это потому что ты всегда проигрываешь! Глупо выставлять себя дураком много раз подряд. Умный перевертыш с первого раза смекнет, что к чему, – и нарочито приобнял меня за плечи.

Я отлично понимала – Рамзор просто дразнится. Он воспринимал меня скорее как подружку, члена команды, своего парня. И меня это более чем устраивало.

Да и Кармис вряд ли интересовался мной всерьез. Скорее как чем-то необычным, загадочным, «свеженьким». Новенькая – таинственного происхождения, с высокими покровителями – ну просто не могла не привлечь внимания.

«Королевы» передернули плечами – одинаково, словно заводные куклы, фыркнули и отвернулись под задорный

смех одногруппников. Девушки хихикали сдавленно, стараясь не навлечь на себя гнев «воображал». Хулиганы и «короли» потока откровенно хохотали, остальные хмыкали в кулачки.

«Отличницы», курносая и крепкая, посмотрели на меня как на ожившую богиню мудрости, любви и красоты. Еще две тихони с соседнего ряда даже головы гордо вскинули.

– Так Кармис тоже королевский родственник? – уточнила я у Рамзора, который по-прежнему прижимал меня к себе и даже не думал хоть немного ослабить хватку. Сам же «объект обсуждений» продолжал пялиться на нас таким взглядом, что будь парты из дерева – давно сгорели бы дотла.

Рамзор не ответил – весь ушел в моральное противостояние с Кармисом. Кто кого переглядит, сильнее выпучит глаза, изобразит самую страшную мину.

– Трюродные они! – зычно пробасил Зуфар. – У нас же Академия для избранных! Для королевских отпрысков, детей высшей знати. Других тут не держат.

– Что здесь происходит?

Даже не видя вошедшего, я догадалась бы, что вопрос принадлежал преподу.

Высокий, крепко сбитый мужчина с квадратной челюстью и скошенным лбом, неандертальцу на зависть, окинул нас недобрый взглядом ярко-синих глаз.

Группа мгновенно затихла. Поежились почти все, даже «королевы», даже Кармис. Только не Рамзор и его амба-

лы-приятели.

– Еще один вопль посреди занятия – и превращу в стайку мальков! – почти равнодушно пригрозил препод. – Или, например, в облако слизи. Ну, чтобы жизнь медом не казалась!

Вот теперь даже мои громилы-соседи втянули головы в плечи и замерли, будто окаменели.

Препод прошелся перед рядами размашистым шагом, словно бы демонстрируя «готовность номер один», и резко зацепился за меня взглядом.

– Ирида из Ррайтаны? – спросил он, заломив густую темно-русую бровь.

Я только кивнула – взгляд препода пронзал насквозь, как лазерный луч. И в отличие от «воображал» – девчонок он был взрослым, умудренным жизнью, и явно не повелся бы на мое «шапкозакидательство».

– Меня зовут Витрис. И могу вас заверить, что плохое поведение на моих парах карается весьма строго.

На языке так и вертелось что-то вроде: «Карайте подростков! А меня не трогайте, если не хотите получить достойный отпор. Если не магический, то хотя бы словесный». Но я сдержалась. Так откровенно выказывать неуважение к препода не хотелось совершенно. В студенческие годы я вела себя хорошо, как минимум прилично, и уважения одногруппников добивалась вовсе не хамским поведением с лекторами. Просто Витрис обращался с учащимися как с грязью под ногами. И мне дико хотелось щелкнуть его по носу.

Но, прежде чем мысль оформилась в голове, препод выбросил вперед руку, и в мою сторону полетело желтое облачко. Я даже не поняла, как увернулась. Рамзор не понял тоже, только окинул потрясенным взглядом и довольно хмыкнул. Облачко долетело до стены, отразилось от нее и медленно поплыло назад и гораздо левее. Пара заучек со среднего ряда попытались увернуться, задержались, судорожно затрепыхались. Но справа и слева их подпирали соседи, судя по виду – явно не отличники, скорее уж хулиганы. Спереди и сзади – тоже. Парни уронили головы и понуро приняли судьбу. Облако село на их затылки, растянулось, разрослось, окутав ребят целиком, и... перед нами забили щупальцами по парте два осьминога. Как они умудрялись двигаться на суше для меня оставалось загадкой. Это только в страшных фильмах и сказках осьминоги выплывали из морских глубин, топили корабли, ломали мачты, ловили незадачливых пассажиров прямо на палубах и пожирали их, чтобы запугать зрителя. На самом же деле громадные моллюски вряд ли смогли бы даже выбросить щупальца из воды. Тем не менее зрелище впечатляло.

Осьминоги затихли, как-то сникли и растеклись по стульям, и впрямь не в силах пошевелиться.

– Первое время существо сохраняет часть человеческих свойств. Но потом резко утрачивает их, – поучительно сообщил Витрис, ткнув пальцем в своих случайных жертв. На лице его читалось огромное моральное удовлетворение.

Похоже, здешних «элитных» студентов препод не особенно жаловал. Скорее уж наоборот.

– Он всегда такой или только по будням? – шепнула я Рамзору. Тот подавился смешком, надулся, усиленно сдерживая улыбку, и шепотом ответил:

– Запугивает. Витрис раньше работал в другой Академии. Он лучший в нашем мире маг-перевертыш. Плюс уникальный дар пробуждать в других магию и скрытые способности. Больше таких в нашей стране ни у кого нет. Ну короли и перевели его сюда. Говорят, вначале студенты его просто ни в грош не ставили. Буквально ноги вытирали. Оно и понятно. Тут все такие знатные, аж тошно, а Витрис – из худородных дворян. Ни титула, ни состояния. С тех пор золотую молодежь Витрис любит еще меньше, чем медузу на лбу. Вот и отыгрывается. Но учит он великолепно. Так что пока плюсы от его преподавания сильно перевешивают минусы. Короли делают ему замечания, выносят выговоры, ставят на вид, но терпят. Говорят, лучшие ученики Витриса могут вскипятить полморя, разрушить замок и превратиться в невидимок.

– Думаю, невидимыми рано или поздно становятся все ученики Витриса, – хмыкнула я, кивая в сторону распластанных на сиденьях беспомощных осьминогов. – А они не погибнут, без воды-то?

– Не-ет! Минут десять еще протянут спокойно, – отмахнулся Рамзор. – Это странно, но вначале мы почти не понимаем, что превратились. Ощущения тела почти не меняют-

ся. Затем осознаем, что уже не люди, но все еще можем двигаться на суше, дышать как прежде. А вот после теряем и эту способность. Но соображаем и чувствуем по-прежнему, даже в животной ипостаси.

Я хотела сказать, что не сомневалась в этом, особенно после встречи с брюнетистым «акулом». Но решила благоразумно воздержаться.

Глава 3

Витрис преподавал так, что у половины студентов с перепугу открылись магические способности, а я напрочь забыла о голоде. Вообще о том, что нужно есть.

Объяснилось это намного позже, и самым удивительным образом. В тот момент я слишком увлеклась, чтобы думать о странном ощущении полной сытости в совершенно пустом с самого утра желудке. В отеле я перехватила бутерброд и немного винограда. С тех пор поесть так и не довелось.

На «замечание» Витриса в виде подозрительного желтого облака сладкая парочка создала прозрачный непроницаемый купол. «Сюрприз» препода отразился от едва заметной глазу преграды и улетел в угол аудитории. Витрис расплылся в довольной улыбке, развеял «чары» и сообщил, что «охранный купол» мы должны проходить только через год. Лейла, тихоня-шатенка, которую время от времени третируют «подруги» – Гелла и Лакна, – создала вихрь и отмела несколько водяных шаров, выпущенных в ее сторону преподадом.

Лалисса, королева местных «воображал», взвизгнула, когда на нее начало спускаться нечто вроде большого клочка голубого тумана. «Подарок» Витриса застыл над головой «альфа-стервы», а затем рассыпался синими перьями.

Остаток пары Лалисса и ее подруги вытряхивали перья

из идеальных причесок и метали в препода убийственные взгляды. Но стоило ему обернуться, зыркнуть на «воображал» исподлобья, как девушки усиленно притворялись прилежными ученицами. Аккуратно складывали руки на парте, предельно выпрямляли спины и замирали.

– Ишь, как их сегодня разобрало! Вначале ты им наподавала, а теперь и Витрис... – хмыкнул Рамзор. И все бы хорошо, но хмыкнул он слишком громко.

Медленно, с чувством, с толком, с расстановкой повернулся к нам препод. Окинул недоверчивым взглядом, словно никак не мог поверить, что студенты решились на такую неслыханную дерзость. И... напрямик в наши головы полетело волшебное нечто. Оно колебалось, вздрагивало и напоминало пакет, наполненный вязкой белесой жидкостью.

Рамзор, Амбилар и Зуфар распластались на парте. А я... ощутила, как внутри закипает гнев. Да что же за день сегодня такой! Кому расскажи на Земле – не поверит!

Вначале меня утопили, затем воскресили, через несколько минут едва не поцеловали самым наглым и бесцеремонным образом. Потом заставили снова сесть за парту, хотя по возрасту я в преподаватели гожусь.

А теперь еще этот садист-любитель со своими магическими фокусами!

Не понимая, что делаю и зачем, я вскочила и выбросила вперед руки. Из ладоней ударил поток чего-то, похожего на ярко-розовый пар. Витрис ловко отскочил, но поток мгно-

венно поменял направление и настиг препода у самой стены.

Спустя пару секунд на полу извивался странный слизняк, похожий на морской огурец. Витрис принял обычную форму почти мгновенно. И я уже приготовилась как минимум к страшной казни. Превращению в водоросли, а то и вовсе – в икру. Но препода широко улыбнулся, указал на меня рукой и торжественно провозгласил:

– Вот видите, что делает настоящая родовая магия древних перевертышей! Я рассказывал вам, что наши далекие предки могли вскипятить моря, повернуть их вспять. И обращались они не только в морских животных – в рептилий и даже в водоплавающих птиц. Очень редко, но в их потомках пробуждается древняя магия.

Я как стояла, так и села. И несколько минут могла лишь ошарашенно моргать да инстинктивно сглатывать. Какая еще родовая магия? Я ведь даже не перевертыш. Я человек! И еще недавно считала, что это звучит гордо.

Буквально несколько часов назад, пока меня не утопила акула, которой прикидывался местный король.

И вот стоило лишь немного расслабиться, погрузиться в собственные мысли, как Рамзор дернул за руку с такой силой, что я едва не опрокинулась на парту. Но было уже поздно – синее облако упало сверху, и почудилось, что меня окунули в плотную жидкость. Дышать стало трудно – нечто вязкое и неприятное забивалось в рот и в ноздри. Сердце зачестило, в висках запульсировала кровь. Я мысленно послала

еще несколько привычно-хлестких проклятий в адрес Наллиса в надежде, что ему хотя бы как следует икается.

Голова пошла кругом, перед глазами заплясали желтые кружочки. И я подумала – все, сейчас стану осьминогом или каракатицей, а то и вовсе – кучкой улиток, пока Витрис не сменит гнев на милость. Честно говоря, на его месте я бы тоже отомстила нахальной студентке – малолетке с гонором взрослой женщины.

И я начала мысленно перебирать – во что сейчас превратилась бы с огромным удовольствием. В барракуду – и откусила бы Витрису нос, в акулу – и отгрызла бы ему руку, в кита – и выплюнула бы ему в лицо струйку воды, в дельфина – и прыгнула бы на него, повалив на пол. Тот факт, что все эти существа на суше не способны ни прыгать, ни кусаться, ни плевать – а чем, собственно, если вокруг ни капли воды, – меня совершенно не смущал. Наверное, сказалось плотное общение с подростками, и деградация началась незаметно, но прихватила как следует.

Вот ведь черт!

Я с трудом глотнула немного воздуха и резко успокоилась. Да ничего подобного! Я не сдамся! Вот уж дудки! Сегодня я победила саму смерть, и какой-то препод-садист меня уж точно не одолеет!

Я четко представила, как за спиной вырастают крылья, вместо носа появляется клюв, и... взмыла в воздух. Раз, два, три – и я на плече у Витриса, четыре, пять – и осатанело

ключу его в затылок. Препоd беспомощно размахивает руками, как сломанная ветряная мельница, смешно крутится, дергается в тщетной попытке избавиться от мстительной птицы.

Ненадолго одноклассники затихли, и по аудитории поплыла удивленная тишина. В меня уперлись сотни немигающих взглядов. Только слышалось, как шумно пыхтит Лейла, наверное, от страха, и Лалисса гневно шепчет соседкам о том, что я какой-то неправильный перевертыш. Слишком быстро и легко все дается «райтанской выскочке». Не похожа «эта девица» на того, кто еще ни разу не превращался.

Ох, милочка! Знала бы ты, что я и перевертышем-то стала несколько часов назад, вообще утонула бы в собственной желчи. Зато Кармис восхищенно затараторил:

– Ну ничего себе! Один из тысяч перевертышей может обращаться в водоплавающих птиц. Девчонка-то с сюрпризом! И явно напичкана нашей древней магией по самые гланды.

– Черный лебедь... Вот это да-а-а! – слышался комментарий с передних рядов.

А я продолжала остервенело клевать Витриса – с удовольствием, с яростью обиженной женщины, пока препода не смахнул меня рукой и не попытался схватить за шею. Черт! Моя шея и правда слишком уж длинная! Я взмыла под потолок и зависла там – недоступная для всех, даже для желчных выпадов «альфа-стерв».

Препоd усиленно приглаживал прическу – аккуратная

каштановая коса превратилась в нечто вроде лохматой веревки. Кажется, в его волосах мелькнула кровь, но Витрис стряхнул бордовые капли, даже не поморщившись. Запрокинул голову, и взгляды наши встретились.

– Приятно, что среди золотой молодежи есть такие таланты! – в голосе Витриса звучало скорее восхищение, чем злоба. – Спускайся. Даю слово – больше никаких магических атак.

Я сделала круг почета над преподавом и еще один, широкий, – над студентами. Резко сбросила высоту и пронеслась над самой макушкой Лалиссы. У той, конечно же, случился приступ неконтролируемого выделения ругательств.

Даже соседки «альфа-стервы» уставились на нее пораженными взглядами, а Витрис шикнул так, что Лалисса проглотила половину слова и замолкла.

Сама не знаю как и почему, но ощущала я себя в теле птицы словно родилась ею, всю жизнь провела с крыльями за спиной. Воздух принадлежал только мне. Я могла планировать, взмывать под потолок, пикировать вниз и опускаться на парты. Рамзор дал место для посадки, и я вдруг поняла, что уже снова человек.

Только без одежды – она стопкой мятых тряпиц валялась на стуле. На долю секунды захотелось провалиться сквозь землю. Господи! Это же самый страшный кошмар любого студента! Прибежать на пару голым. Выйти перед всей группой и обнаружить собственный конфуз только по хохоту од-

нокашников, издевательским комментариям...

Сердце бешено заколотилось, руки похолодели.

Черт! Ну вот что мне стоило попасть в фантастическое королевство из какого-нибудь голливудского фильма? Туда, где оборотни превращаются в человека уже в шортах или как минимум в плавках!

Чувство юмора немного остудило панику.

Я зажмурилась, сжалась, но ни хохота, ни даже мало-мальского хихиканья не послышалось. Я осторожно приоткрыла один глаз, другой и обнаружила, что одноклассники смотрят с восхищением, и лишь несколько «воображал», во главе с Лалиссой сверлят завистливыми взглядами.

Рамзор протянул мне одежду так спокойно, буднично, словно нет ничего странного в том, чтобы оказаться совершенно нагой на глазах у сотен студентов. Я позволила себе облегченный вздох. Быстро натянула белье, брюки, тунику и только тогда сообразила. Ну конечно! Это же перевертыши! Тут все обнажаются для обращения. И ничего особенного никто в этом не видит.

Осьминоги-студенты тоже остались без своих туник, брюк и даже плавков. Потом спокойно оделись, и никто даже бровью не повел. Хм... интересный здесь мир и загадочный. Все будто перевернуто с ног на голову.

Где-то под водой, в самом сердце моря, притаилась человеческая страна. Невероятная магия хранила ее, не позволяя тоннам воды разрушить воздушный оазис, раздавить

собственной тяжестью. Горожане не видели ничего страшного в том, чтобы раздеться при всех, ведь они в любой момент могли превратиться в морских животных. А что вытворяли местные короли... Я одернула себя. Не время и не место опять вспоминать о Наллисе. И почему я так часто о нем думаю? Наверное, из-за воскрешения. Черноволосый акул действовал по принципу: сам сломал – сам починю, сам утопил – сам оживлю... Уверена, все дело в этом... Ну не могла я проникнуться симпатией к неведомому существу, тем более что оно, вернее он, уже помолвлен.

Я оправилась и села, а Витрис продолжил занятие.

«Теория и практика магии перевертышей» давалась нам примерно так же, как и превращения. После двух подвигов – лишения препода человеческого вида, в прямом смысле слова, и полета над аудиторией черным лебедем – у меня не выходило ничего. Ни сгустка энергии из ладоней, ни струек из глаз, ни атаки соседа «обращающим облаком». Не получалось и у остальных. И с каждым следующим сокрушительным фиаско Лалисса косилась на меня все более недружелюбно, а остальные – все более уважительно. Кажется, меня хотели избрать новой «звездой группы», и старым «альфа-стервам» это очень не нравилось.

Увы! Любовь и преклонение подростков непредсказуемы и порой убийственно скоротечны. Сегодня ты идол, кумир, почти бог, а завтра – благополучно забыт ради нового предмета обожания.

Ближе к концу занятия Витрис скривился и недовольно проворчал:

– Ничего! Это только начало. Мы еще поколдуем.

То ли угрожал очередными расправами, то ли обещал все же чему-то научить.

Когда время лекции вышло, препод замолчал и вышел из аудитории, ничего не объявляя и не уточняя.

Я направилась к дверям и... лоб в лоб столкнулась с Наллисом.

Вот уж кого я совсем не ожидала тут увидеть, так это его.

Несколько часов назад зеленоглазый акул четко дал понять, что самолично заниматься мной не собирается. Слишком много чести для простой утопленницы. К тому же Арзавир обещал прислать за мной кого-то из слуг.

Я застыла в дверном проеме, совсем близко к Наллису. Его изумрудные глаза сияли, на лице расплзлась кривая улыбка, щеки залил лихорадочный румянец. Король бесцеремонно придвинулся, встал вплотную, совершенно не обращая внимания на то, что мы перегородили всем выход. Студенты вежливо просачивались мимо, в узкий дверной проем, и у входа образовалась внушительная очередь.

– Ну... как ты? – прерывисто спросил Наллис. – Понравилось у нас?

– Безумно! – выпалила я и уже собиралась выложить ему все, что думаю о черноволосом акуле, местной Академии, «воображалах» – одноклассниках и Витрисе в придачу. Но

Наллис наклонился и накрыл мои губы своими. Вот так, прямо на входе в аудиторию, в присутствии сотен студентов. Король впился в мой рот поцелуем настойчиво, властно, но ласкал очень нежно, умело. Я почти сомлела, выпала из реальности. В голове поплыл сладкий туман, внизу живота стало тепло и томно.

Наллис задышал еще чаще, еще натужней, отпрянул, словно очнулся, и замер – напряженный, взвинченный, сам не свой.

– Привет, кузен Наллис! – как ни в чем не бывало окликнул его Рамзор. – Сам отведешь Ириду в гостевой королевский дворец или помочь?

– Сам! – хрипло выпалил Наллис, подхватил меня под руку и потянул к лестнице.

Студенты моментально расступились, давая нам дорогу.

Мы неслись в толпе учащихся так быстро, что я успела заметить лишь пораженные взгляды, поймать восхищенные шепотки.

Как ни странно, большинство студентов куда больше впечатлились моим «лебединым полетом», чем поцелуем с Наллисом.

Лестницу мы преодолели так быстро, что я даже ахнуть не успела. А когда возражения созрели в голове, король вытащил меня на длинный язык у входа в здание, дернул – и мы рванули вперед.

Полет с Наллисом совсем не походил на полет с Арза-

виром. Мы не набирали скорость постепенно, неторопливо, безопасно. Сразу, резко сорвались с места, и я задохнулась от воздушного удара в лицо. Пошатнулась, потеряла равновесие и очутилась прижатой к горячей груди короля.

Все происходило вроде бы так же, как с Арзавиром, только... совершенно иначе. Наллис жарко задышал в шею, прижал так, что я едва могла глотнуть воздуха, и мы понеслись еще быстрее.

Я спрятала лицо на груди у короля, и воздушные волны били в затылок, перебирали волосы. Я не видела лица Наллиса, но почему-то казалось – он улыбается. Не криво, не иронично, а как-то вдохновенно.

Смотреть по сторонам не выходило совсем, и, когда мы резко сбросили скорость, я только ахнула.

Мы остановились не на языке-площадке возле здания, а в гигантском парке-постаменте. В самом центре его высился дворец, похожий на громадный золотистый тюльпан, справа пристроился такой же, только раза в четыре поменьше.

Вокруг зданий раскинулся пышный парк. Золотистые скамейки, дорожки, вымощенные серо-сизыми булыжниками – один к одному, – и сотни курчавых деревьев, похожих на клены. И все это удерживал единственный стембелек-колонна – хрупкий и тонкий на вид.

В лицо пахло свежескошенной травой, медовым ароматом цветочного нектара. Где-то над головой протяжно запела птица, внизу застрекотали кузнечики, затрещали жуки. И

почудилось, будто я снова на Земле, в гостиничном парке, среди сотен таких же туристов.

Наллис остановился неподалеку от края постамента. Замер, не сводя с меня изумрудного взгляда, не произнося ни слова. Не знаю, что между нами происходило, имело ли это хоть какое-то отношение к пресловутой «любовной химии», только вдруг сладко засосало под ложечкой. Прямо как в далекой юности рядом с симпатичным парнем. Жестко очерченные, чувственные губы короля так и манили, удивительные глаза завораживали.

Наллис медлил, молчал и все больше каменел. Наконец он опять словно «включился». Казалось, у черноволосого короля где-то есть кнопка, что выводит его из ступора, заставляет прекратить буравить меня взглядом и начать действовать.

Не знаю даже – хотела ли я нового поцелуя, жарких объятий, горячего дыхания в шею... Только в голове плыл сладкий туман, мысли путались, металась от одного решения к другому. Я хотела отстраниться, больше никогда не позволять Наллису и пальцем к себе прикоснуться. И... одновременно мечтала снова ощутить вкус его губ, силу рук, жар возбужденного мужского тела.

Наллис путал меня, пугал и притягивал одновременно. Вот и сейчас он странно молчал, медлил, не отпускал, сверлил немигающим взглядом.

Внезапно король прищурился и спросил:

– Считаешь меня своим убийцей?

Уголки его губ дернулись вниз, желваки заходили ходунном. А я словно очнулась.

Все, что думала о Наллисе, о том, как он ради собственной прихоти погубил мою жизнь, превратил черт знает во что, – наконец нашло выход, прорвалось наружу. И я затараторила, задыхаясь, глотая слова, в попытке объяснить – насколько не в восторге от преследований черноволосого акула и всего, что случилось после. Наллис молчал и только все больше хмурился. Гладкую переносицу его рассекли две наклонные морщинки, губы вытянулись в жесткую полоску.

Когда я закончила, сорвавшись на крик, даже визг, Наллис осторожно поставил меня на землю и потянул за собой, будто и не собирался начинать этот разговор. Несколько минут мы почти бежали в сторону замковой «пристройки».

У самого входа в нее ждали несколько перевертышей, видимо, слуг, в одинаковых фиолетовых туниках с оранжевыми манжетами и воротниками.

На женщинах были длинные юбки, почти до пола, на мужчинах – строгие брюки. Слуги смотрели на нас неотрывно, как на диковинное представление.

Только сейчас запоздало подумалось: интересно, что там судачат о нас в Академии? Обсудить короля и его поцелуй с новенькой – дело святое. Конечно же, не при нас – мало ли как отреагирует вспыльчивый монарх на комментарии. Может, казнит или сошлет в далекие города. Кто знает, какие тут порядки? Но после нашего ухода... Хм... Уверена, Ака-

демия взорвется пересудами.

Буду пытаться Рамзора, пока не признается. А если не признается – возьмусь за Зуфара, на худой конец – разговорю Кармиса. Кто-то да расколется!

Наллис окинул слуг таким взглядом, что те разом потупились и вдруг разбежались – кто в дом, а кто в парк.

Очень высокая, с аккуратными чертами лица и упрямым лбом, брюнетка одарила меня странным взглядом, развернулась и едва не споткнулась по дороге к двери. Но тут же оправилась и отскочила в сторону. Дверь выплыла навстречу, отъехала вправо, и Наллис затянул меня внутрь.

Я думала, сейчас король притормозит. Но он потащил меня дальше, не дав даже толком рассмотреть интерьеры.

Громадные темно-синие покои со сводчатым потолком, освещенные мириадами ярко-желтых лампочек, такие же, только в красных тонах, и следующие – уже в розовых... Однотипные помещения мелькали друг за другом, расположенные, кажется, по периметру вокруг центрального.

Насколько я поняла – гостевой замок был одноэтажным, но апартаментов здесь хватало, чтобы разместить всех жильцов моей земной высоты.

В каждом помещении обнаружилось по две двери, предполагаю, что одна в ванную. Пухлые диваны, кресла, столы из такого же прозрачного материала, как парты в Академии, казались жидкими, нереальными.

Внезапно в лицо пахнуло рыбным пирогом и сразу же

– кроватками. У меня аж слюнки потекли. Наллис усмехнулся, потянул в сторону одной из боковых дверей, и мы очутились в небольшой комнате, похожей на гостиную шикарного особняка.

В самом центре ее бросался в глаза небольшой круглый стол. Блюда с едой буквально толпились на нем, подпирая соседние. По краям едва хватало места, чтобы пара-тройка голодных разместили свои тарелки.

Почти все здесь оказалось приготовлено из рыбы и морепродуктов – водорослей, моллюсков, раков и крабов. Никогда в жизни, даже в своем пятизвездочном отеле, я не видела такого количества «морских блюд»! Желудок сжался тугим узлом и тихо заурчал.

Наллис дернул меня за руку – неожиданно, но не слишком грубо, скорее настойчиво – и усадил в кресло. Прозрачный материал подо мной принял форму тела. Часть его оказалась мягкой, как подушка, остальное – твердым и упругим. Я привстала, внимательно изучила кресло, но не заметила ни обивки, ни какого-то перехода между одним материалом и другим.

Наллис хмыкнул, запрыгнул в кресло напротив и предложил:

– Поедим и поговорим? Или в другом порядке?

И как бы ни хотелось мне высказать черноволосому акуляке все, что думаю, пусть даже по второму кругу, но есть хотелось еще больше.

Наллис понял без лишних слов. Торопливо встал, положил мне жареной рыбы, улиток, крабов и нечто вроде рагу из водорослей. Вернулся на место и наполнил свою тарелку тоже.

– А я думала, тут у вас слуги... – не удержалась я от подколки.

Наллис даже бровью не повел.

– У нас не так, как во времена монархии на Земле. Слуги есть. Но используем мы их по минимуму. Даже короли. Приготовить еду, сервировать стол, убраться – это одно. Но уж положить себе в тарелку... каждый сам в состоянии.

Я даже не нашлась, что ответить. Он был прав, этот черно-волосый король. Изумрудные глаза Наллиса смеялись, губы изогнулись в улыбке, но мне стало все равно. Тарелка с едой отвлекла от всего пережитого и предстоящего. Да и сытный, пряный запах не оставлял желудку выбора – я ощущала один голодный спазм за другим.

Ммм... Блюдо из водорослей напоминало овощное рагу с картошкой, рыба таяла во рту, не говоря уже об улитках. Я никогда особенно их не любила. Но здесь, приготовленные в каком-то кисловатом соусе, мягкие, как желе, они казались верхом кулинарного искусства и совсем не походили на недоваренную рыбу.

И лишь когда появилось приятное ощущение сытости, я вдруг сообразила, что пить-то на столе нечего.

Наллис хмыкнул, нагнулся и выдвинул из-под столешни-

цы небольшой столик с напитками и высокими зелеными стаканами. Из трех разноцветных сосудов, похожих на амфоры, выбрал один – оранжевый, оставив синий и розовый на месте. От горячего светло-желтого напитка заструился в воздух белесый пар и приятный мятный запах. Я пригубила напиток и поняла, что это нечто вроде травяного чая. Или даже скорее всего чая из сушеных водорослей.

– Нравится? Или водорослевый сок налить? – предложил Наллис, потрясая другим сосудом, один в один похожим на предыдущий. Я помотала головой. До водорослевого сока я еще не созрела, может, позже. Новых впечатлений и без того хватало на год вперед. А впереди – непростой разговор с Наллисом, королем и моим убийцей-воскресителем.

Когда наши стаканы опустели во второй раз, черноволосый акул вскинул на меня глаза и несколько минут смотрел, не смаргивая.

Стало очень не по себе. Вначале казалось, взгляд Наллиса проникает сквозь одежду, сквозь кожу, куда-то еще глубже... в душу, что ли... Внизу живота опять разлился жар, и захотелось снова прикоснуться к его губам – жестко очерченным, чувственным. А потом... потом в голове совсем помутилось. Я не могла связно озвучить ни единой мысли, не сумела бы сложить два и два.

Наллис продолжал гипнотизировать и криво улыбаться, явно наслаждался произведенным эффектом.

Наверное, все дело было в подростковых гормонах, ко-

торым вздумалось разыгаться в самый неподходящий момент. Я и забыла, что умудренная жизнью женщина заперта в теле девушки, и все реакции, эмоции умножены в сотни раз.

Спустя несколько томительных минут я нашла в себе достаточно сил, чтобы противостоять невероятной притягательности короля. Выдохнула еще и еще, выравнивая дыхание, укрощая пульс, и как можно спокойней произнесла:

– Может, все-таки объяснишь, что тут происходит? Зачем ты за мной следил? И зачем оживил...

Наллис прищурился, полоснул по мне взглядом василиска на охоте и нехотя произнес:

– Ладно! Твоя взяла! Ты меня чем-то притягиваешь. Я еще и сам не понял – чем именно. Но я следил за тобой два дня, сам не зная зачем. Приблизился незаметно для себя самого. Вот только что незаметно плыл поодаль, захотел разглядеть поближе и – бац – уже рядом. Ну а потом все пошло как-то не так...

Он замолк и пару секунд смотрел на меня – с прищуром, но от прежнего испепеляющего взгляда не осталось и следа. Выдержав недолгую паузу, Наллис странно усмехнулся и продолжил:

– Ты привлекала меня. Привлекаешь. Поэтому я и не дал тебе утонуть. Хотел сделать искусственное дыхание, но ты уже умерла, и мой поцелуй, моя аура пробудили в тебе дремавшие гены. Я донес тебя к нам, и мы с братом решили, что отныне ты под нашей опекой. Я не собирался встречать-

ся с тобой сегодня. Но меня снова потянуло увидеть тебя. Вот так вот странно. Неуправляемо почти. И я последовал своим инстинктам. Уж не знаю, что в тебе такого. Я видел красавиц и получше...

Он осекся, губы вытянулись в жесткую полоску. Кажется, Наллис ожидал возмущений или возражений. Но я лишь кивнула, предлагая ему закончить. Король пожал плечами и с явным придыханием добавил:

– Вот поэтому я велел горничным накрыть нам стол и встретил тебя после занятий вместо слуги, которого послал Арзавир.

Наллис замолк, налил себе еще травяной настойки, выпил залпом и продолжил сверлить меня немигающим взглядом. Мурашки побежали по спине. Я ощутила, как лицо заливают краска, уши загорелись. Наллис тоже раскраснелся – на щеках выступил румянец, спустился на мощную шею. Король словно непроизвольно подался вперед, приоткрыл губы. Когда он облизнулся, я с трудом удержала себя на месте. Судя по недовольному лицу Наллиса, он ожидал большего. Король вскочил с кресла пружинной, в два шага очутился рядом, наклонился, взял меня за подбородок и впился в рот губами.

Я почти не понимала, что происходит. Только часто-часто забилось сердце, затрепыхалось птичкой в клетке, внутри словно загорелся костер. Наллис сгреб меня в охапку, сбросил со стола остатки пиршества и усадил туда. Встал между моими коленями, прижался – такой горячий, такой

пылкий... такой возбужденный. Твердый бугор на свободных брюках Наллиса вдавился в мой живот, и король задрожал, тяжело задышал, углубляя поцелуй. Несколько секунд голова кружилась, мысли совершенно выветрились, и хотелось лишь одного – чтобы это не заканчивалось. Сама не знаю, что на меня нашло. Я прильнула к Наллису, прикрыла глаза и зарылась руками в его волосы. На ощупь они и впрямь казались шелковыми. Король издал странный звук, похожий на рык, и принялся стягивать свою тунику.

Вот тут меня словно в лед окунули. Да что же я делаю? Собираюсь вступить в непонятную связь с королем, у которого есть невеста. С почти женатым мужчиной? Вот еще! Дудки!

Я отстранилась, отъехала назад и начала падать на стол, а тот опасно зашатался.

Я испугалась, что вот сейчас опрокинусь, рухну на пол вместе с мебелью. Наллис дернулся, суматошно попытался помочь, но случилось нечто неожиданное для нас обоих. Горячая волна прокатилась по телу, кожа вспыхнула жаром. Я сделала кульбит в воздухе, взмахнула крыльями и приземлилась точно на ноги. Стол покачнулся в последний раз и остался стоять.

Наллис застыл, глядя на меня расширившимися глазами. Я обнаружила, что одежда лежит на столе, а сама я стою перед королем совершенно голая, и весь его вид показывает, насколько это нравится черноволосому акулу. Он напрягся, губы налились кровью и даже припухли. Король двинулся ко

мне как охотник к трепетной лани. И тут я снова сама себя удивила. Не говоря уже о возбужденном Наллисе.

Рванула к столу, схватила одежду и пулей вылетела из комнаты.

Отбежав подальше от двери, я суматошно оделась и обернулась, чтобы встретить тяжелый, непонятный взгляд короля.

– Ты можешь обращаться в птиц? – удивился он и тут же перешел в наступление: – Почему ты от меня шарахаешься? Я же чувствовал, знаю – ты тоже хочешь меня! В чем дело, Ира? Говори!

От этого вопроса томление вернулось, вместе с жаром – резко и неожиданно.

Я отвела глаза от Наллиса и ответила в светло-бежевый, теплый пол:

– Ты почти женат. Мне Арзавир сказал. А если бы и не был...

– Тогда что? – Он очутился совсем рядом, прижал так, что я едва дышала, и горячий шепот обжег щеку. – Тогда что? Если бы я не был помолвлен? Что бы ты сделала?

Я судорожно отпрянула, выбросила вперед руки, потому что Наллис собирался приблизиться вновь.

– Я не готова заниматься любовью с малознакомым существом. Я ведь даже особенностей вашей расы не знаю. И тебя я не знаю. А страстные порывы, желания... это всего лишь гормоны.

Наллис скривился, будто проглотил килограмм лимонов, раздраженно отмахнулся и рванул к двери из комнаты. Та услужливо выплыла навстречу, отъехала в сторону, освобождая проход.

У самого порога король обернулся и сказал:

– Завтра вечером королевская охота. Узнаешь меня поближе. – Он загадочно усмехнулся, кажется, даже немного зло, и добавил: – А насчет помолвки... Арзавир поторопился с предупреждением. Ничего еще не решено! Иначе невеста уже была бы тут. Когда помолвка завершена, невеста приезжает и селится в замке жениха до самой свадьбы. И еще! Будь осторожна с Арзавиром. Он не такой душка, каким выглядит. Уж поверь, я, как брат, знаю.

На этой веселой ноте Наллис скрылся за дверью, а до меня долетело:

– Я пришлю слуг. Они помогут устроиться. Покажут – что тут и как.

Дверь быстро вернулась на место, и я осталась одна посреди громадного бежевого зала.

Вначале на меня напал странный ступор. Я просто стояла и смотрела в окно, на розовый туман. Он скручивался спиральками, словно дым из трубки курильщика, и устремлялся ввысь.

На улице стемнело. Сиреневые сумерки придавали городу перевертышей еще более сказочный вид. Вспыхивали огни цветков-зданий. Мерный желтый свет загорался на верхуш-

ках лепестков и медленно спускался, очерчивая их контуры. Края дорог слабо мерцали.

Все вокруг представлялось нереальным – сном или даже галлюцинацией. За один день я словно прожила несколько жизней. Только утром покинула пятизвездочный отель – и вот теперь поселилась в настоящем королевском замке. Вернее, в его пристройке, но все же. Еще утром я считала себя человеком, а к вечеру стала перевертышем. Спроси меня кто-то с утра – верю ли в магию, волшебные расы, покрутила бы пальцем у виска. А буквально несколько часов назад я этой магией пользовалась, превращалась в черного лебедя и летала...

– Ваше высочество Ирида?

И даже имя у меня другое!

Я вздрогнула и обернулась к той самой брюнетке с аккуратными, мелкими чертами лица, что едва не расквасила нос, разглядывая меня у входа в замок.

– Я буду вашей личной служанкой.

Девушка произнесла это так, словно говорила о высокой чести. На долю секунды я даже удивилась. Ах да! Вот я растяпа! Меня ведь считают родственницей соседских королей, почетной гостьей местной династии.

Да и наши отношения с Наллисом вряд ли можно назвать обычными. Как, впрочем, и отношения с Арзавиром.

Открыто слуги не комментировали их, но, судя по косым взглядам и шепоткам, свои выводы дворцовая челядь сде-

лать успела.

– Меня зовут Яркана, можно просто Яра, – поклонилась девушка и торопливо предложила: – Давайте покажу вам спальню, ванные и прочие жилые комнаты. Они в центре замка.

Я растерянно кивнула и машинально зашагала вслед за Ярой, хотя вела она меня явно к глухой стене, между двумя прозрачными диванами и креслом.

Глава 4

Стоило подойти к стене, как прямоугольный кусок ее выскочил вперед, отъехал в сторону, и взгляду открылась просторная спальня. Очень светлая, с огромной кроватью, белым кружевным балдахином, светильниками в виде розовых лилий, она напоминала комнату настоящей принцессы. Яра заглянула мне в лицо и, похоже, прочла на нем детский восторг. Я старалась сдержаться, не расплыться в улыбке до ушей, не разразиться восхищенными возгласами. Кажется, подростковые реакции и эмоции продолжали прорываться сквозь взрослый самоконтроль.

Хм... Непривычно и очень пугающе. В свой первый подростковый период, как бы странно ни прозвучало, я себя так не чувствовала. Знала, что могу, что порой ребятам заносит. Даже примеры видела. Подружка, круглая отличница, умница, каких мало, едва не вскрыла вены из-за мальчика. У меня же все прошло спокойно и гладко. Не то что сейчас. Может, все дело в магии?

Додумать я не успела – отвлеклась на чудеса гостевого замка. Служанка рванула вперед, из очередной стены выскочил кусок, отъехал в сторону, и мы вошли в ванную.

Тут было все, о чем можно только мечтать. Огромное зеркало в резной раме, десятки прозрачных полочек и батареи тюбиков на них. Кремы, гели, маски, ароматические масла,

соли для ванны.

И... целых две ванны. Неглубокая, просторная, с сиденьями и гидромассажем и настоящий мини-бассейн, куда я погрузилась бы по шею, а может, и глубже.

Ничего себе! Да тут знают толк в «водяных развлечениях»! Хотя чему я удивляюсь? Я ведь в стране морских перерывов. Вода – их вторая стихия.

Служанка дала время оглядеться и осторожно тронула за плечо.

– Если планируете экскурсию по дворцовому парку, я к вашим услугам.

Предложение выглядело соблазнительным, но бассейн манил еще сильнее. Так и хотелось лечь, расслабиться, сбросить напряжение дня.

Яра поняла все без слов. И прежде чем я ответила, служанка поклонилась, ткнула пальцем в красную кнопку на стене и сообщила:

– Если понадобится, жмите. А пока приятного отдыха. Ах да! Чуть не забыла! Завтра утром я разбуду вас к завтраку, а Рамзор проводит на занятия. Он обещал зайти к одиннадцати. Показать дорогу и научить пользоваться скользящими трассами. Пары закончатся рано, к двум дня. А в четыре – королевская охота.

– Спасибо, – протянула я, запоздало сообразив, что не выяснила ни расписания учебы, ни времени начала пар. Впрочем, ничего удивительного. События закручивались с

невиданной скоростью, и я никак не успевала подстроиться. Только чудилось – все хоть немного устаканилось, определилось, как случались новые неожиданности. Вроде превращения студентов в моллюсков или фееричного появления Наллиса.

– Я могу идти? – осторожно спросила служанка. Она застыла возле двери и буравила меня странным взглядом.

Ну конечно же! Я вроде как принцесса, пусть и незаконнорожденная. И Яра, как порядочная горничная, ожидала распоряжений «ее высочества». Мне даже стало неловко, что держу девушку просто так, без необходимости, просто по незнанию.

– Конечно, иди, – поторопилась я с разрешением.

Яра поклонилась, дежурно улыбнулась и выскользнула за дверь.

Я включила воду, и ванна-бассейн начала набираться с удивительной скоростью. Несколько видов морской соли окрасили воду розовым, окутав приятным цветочным запахом.

Скинув одежду, я погрузилась в теплую воду и прикрыла глаза, наслаждаясь ощущением. Ммм... Остаться бы тут навсегда...

Я вдруг вообразила себя громадной рыбиной, с прозрачными вуалями плавников, распахнутыми как крылья, с перламутровым «опереньем» и мощным хвостом. Плюх... плюмц... бульк...

Дышать стало тяжело, невыносимо. Воздух застревал в груди и вставал там колом. Я дернулась и... очутилась под водой. На секунду накрыла паника. Господи! Я ведь могу утонуть! Но почему-то дышать сразу стало легче. Да что там легче – казалось, я всю жизнь могу дышать тут и плавать.

Прозрачные крылья плавников расправились по сторонам, и внезапно я осознала, что стала рыбой. Вот так запросто, безо всякого синего дыма, или зеленого, или какого-то еще. Без долгих попыток придать ему новую форму, вообще без малейших усилий. Так вот для чего нужна такая ванна! Здесь можно обращаться и чувствовать себя почти как в море. Хорошо, что я насыпала в воду морской соли!

Некоторое время я медленно мерила ванну гребками – туда-сюда. Но вскоре это занятие решительно наскучило, да и емкость показалась слишком тесной. Захотелось превратиться обратно, выйти и выспаться. Но не тут-то было. Я прикрыла глаза, представила себя человеком, и... ничего не произошло. Я нервно проплыла вдоль ванны, в одну сторону, в другую, и попробовала снова. С тем же результатом.

Сколько пыталась вернуть себе «человеческий облик» – не знаю. Только вскоре сердце бешено застучало, стало до ужаса страшно, что так и останусь рыбой. Навсегда, навеки. Кто знает, может, мои способности не такие, как у нормальных перевертышей! Может, я могу перейти в другую ипостась, а обратно – уже нет.

Рыба с сознанием человека, рожденная человеком на Зем-

ле. Что может быть нелепей? И грустнее?

В отчаянии я замерла, прикрыла глаза и задышала – натужно и рвано.

М-да... отличное окончание безумного дня, а перспектива еще лучше. Надеюсь, Наллис с Арзавиром припасли для меня большой аквариум, со всеми удобствами? Я внутренне хихикнула, изо рта вырвалась стайка пузырьков, почему-то резко запахло цветочной отдушкой морской соли.

Тело вдруг стало неподъемным, вялым. Я вдохнула, а выдохнуть не получилось. Вода будто застряла в груди, растеклась там и давила.

Я дернулась, выскочила наружу и поняла, что вновь стала человеком.

Что самое поразительное – волосы почти не намокли! Только те пряди, что успела окунуть, лежа в ванне. Выходит, превращение не такое уж и простое. Что-то вроде перехода в чистую энергию и лишь затем – в новую ипостась? Я тряхнула головой. Пора выбираться из ванны и спать.

Быстро вытерлась, бросила взгляд в зеркало, на девушку с огромными янтарными глазами, завернулась в приятный кашемировый халат и вернулась в спальню.

Под подушкой обнаружилась ночная рубашка из мягкой, струящейся ткани.

Я накинула ее на голое тело, нырнула под одеяло и моментально отключилась.

Проснулась я оттого, что солнце ярко светило в глаза – слепило и жарило даже сквозь сомкнутые веки. Я встала, потянулась и подошла к окну.

В городе поднялся сильный ветер. Швырял клочки розового тумана туда-сюда, и время от времени они врезались в стекло, растекаясь по нему странными кляксами.

Как ни старалась, но солнца на безоблачном небе не увидела. В ярко-лазурной вышине не было ни малейших признаков знакомого светила. Но лучи лились сверху, наполняли город, и по зданиям лихо прыгали шаловливые солнечные зайчики.

– Простите? Можно войти?

Я уже и забыла, что Яра обещала прийти утром. Отвернувшись от окна, увидела служанку. Она мялась возле открытой двери, словно намекая, что в крайнем случае готова отправиться восвояси.

– Доброе утро, – улыбнулась Яра.

Я ответила тем же, и девушка просияла.

Все-таки странная она какая-то.

Яра выглядела искренней, обостренное в последнее время шестое чувство не предупреждало насчет нее, не подсказывало, что у служанки камень за пазухой. Но у меня все время было ощущение, что Яра что-то недоговаривает.

Вот очень хочет сказать. Но то ли не решается, то ли считает, что не время.

– Пора собираться? – спросила я, оглядываясь в поисках часов или чего-то на них похожего. Вчера я и не подумала о том, как определять время в своем новом диковинном доме. Просто вылетело из головы, как и многое другое.

Яра улыбнулась и ткнула пальцем в окно. Не в то, возле которого я стояла, – в соседнее.

Там, на высоком шпиле, прямо напротив замка, висели ажурные ходики и показывали девять утра.

– Рамзор зайдет в одиннадцать, – напомнила Яра. – Завтрак уже накрыт. Я подожду в гостиной, а вы приведите себя в порядок. Как будете готовы, выходите, провожу в столовую. На всякий случай, чтобы не заблудились. Потом, если пожелаете, будете ходить туда сами. Или в моем сопровождении. Сами решите.

– Спасибо, Яра, – кивнула я, и служанка вышла за дверь.

Я освежилась, окончательно проснулась и подошла к гардеробу, все из того же прозрачного материала, что и остальная дворцовая мебель.

Поразительно! Шкаф казался прямоугольным куском льда с редкими вкраплениями голубоватых пузырьков, но разглядеть, что внутри, возможным не представлялось.

Распахнув дверцы, я обнаружила до боли знакомые пестрые туники, брюки, юбки. На полочке над вешалками лежало несколько расчесок и резинок для волос. Внизу, под одеж-

дой, спрятались сандалии всех цветов радуги и парочка полуботинок.

Я выбрала изумрудную тунику, черные свободные брюки и зеленые босоножки. Волосы собрала в тугую косу и придирчиво оглядела себя в зеркало. Студентка как студентка. Симпатичная, пожалуй, даже смазливая, я почти не выделялась на фоне местных. Только волосы не выглядели шелковыми нитями. Больше походили на обычные, человеческие, разве что более густые, живые, блестящие.

Яра ждала в коридоре, и на секунду я поймала на себе точно такой же взгляд, как вчера, когда мы с Наллисом шли ко дворцу.

Служанка немедленно потупилась, отвела глаза и уставилась в пол.

С минуту в холле царила напряженная тишина. Яра не двигалась, молчала и все больше каменела. А я размышляла – стоит ли расспросить ее или спустить все на тормозах. Во мне снова боролись подросток и взрослый. Детская нерешительность и смущение спорили с холодным «рассудочным» пониманием, что информация – это все. Сила, власть, способность выжить, наконец! Даже в моем мире. Что уж говорить о государстве морских перевертышей – странном и пока малопонятном для вчерашней человечки-туристки. Вчерашней в прямом смысле слова.

Взрослый во мне снова победил.

– Яра? Почему ты так на меня смотришь? – спросила я

как могла более требовательно, по-королевски.

Служанка робко подняла глаза, вздохнула и призналась:

– Вы очень похожи на кое-кого.

Я отступила на шаг, воображая, что вот сейчас разыграется сцена в стиле дешевых мексиканских сериалов. Окажется, что я – точная копия бывшей возлюбленной Наллиса, или Арзавира, или даже – чем черт не шутит – обоих королей сразу. И поэтому они так странно, так «гормонально» на меня реагировали, помогали, взяли под крыло, ну или под плавник, не знаю, что уж тут ближе.

По счастью, жизнь в стране перевертышей хоть и походила на сказку, но не до такой степени.

– У вас аура как у одного очень древнего перевертыша, последнего из своего рода. Его зовут Ульри.

Кажется, у меня вырвался облегченный вздох. Губы Яры дрогнули в слабой улыбке.

– Ладно, пойдем завтракать. Там и расскажешь.

Служанка окинула меня потрясенным взглядом, но промолчала.

Во вчерашнюю столовую мы не пошли. Миновали два светло-розовых зала и очутились в другом, чуть поменьше. Как и прошлым вечером, стол был уже накрыт и ломился от морепродуктов. Жареной рыбой с креветками пахло так, что желудок скрутило спазмом. Откуда-то, наверное, из очередного кувшина с напитком, приятно тянуло мелиссой.

Я устроилась в мягком кресле и жестом пригласила Яру

к трапезе.

Девушка застыла неподалеку.

– Что случилось? – уточнила я.

– Нам не положено, – робко промямлила она. – Делить стол с персоной королевских кровей... ну, это же такая честь. У меня в роду только простолюдины. Никаких вельмож, даже самых худородных.

– Садись, – отмахнулась я. – Ты же наверняка в курсе, что я байстрюк. Поэтому могу и по-простому.

Яра метнула в меня недоверчивый взгляд, но все же опустилась в кресло напротив.

– Расскажи, что это за древний перевертыш с такой же аурой, – попросила я, накладывая себе мягкие булочки и улиток.

– Вам не помочь?

Я помотала головой.

– Ах да! И угощайся. Считаю, это моя плата за информацию.

Служанку объяснение более чем устроило. Она быстро положила себе жареной рыбы, креветок, кальмаров и принялась рассказывать. Жевать Яре это не мешало. Она откусывала крошечные кусочки, смаковала и говорила без проблем.

– Видите ли... Я ездила к родственникам, в соседнее королевство, а там в Академии работает один препод. Очень старый. Он вроде даже помнит человеческое Средневековье.

Я удивленно приподняла брови – не сдержалась, подда-

лась подростковым эмоциям. Яра улыбнулась и кивнула:

– Да-да! Представляете?! Большинство перевертышей до таких лет не доживают. То есть могут... Но не доживают. Войны, болезни, травмы, хищники в море... В общем, это прямо ну очень большая редкость. Так вот. Ульри родом из Дамантии. Была раньше такая страна перевертышей. Потом с ней что-то случилось, и никто не знает, что же именно. Королевства перевертышей редко контактируют. Разве что сейчас стали чаще. Нужен обмен кровью, энергией, аурой. Раньше мы столетиями не интересовались жизнью соседей. И вот так несколько столетий никто не общался с даманцами, и – бац – королевство пустое. Совсем. Ни души.

– погоди! А как же тот препод? – Я даже жевать перестала, хотя улитки просто таяли на языке.

– Препод переселился в другую страну задолго до этого. Пригласили преподавать, ну он и уехал. Так что знает о судьбе своих не больше нашего. Правда, и не особо переживает. В Ррайтане у него семья, дети, внуки, правнуки. Живет себе припеваючи.

– А Дамантия? Она разрушена?

Яра помотала головой.

– Не-а! Так и стоит. Представляете?! – похоже, это было ее любимым словом. – Замки, дороги – все на месте. А внутри – ни души.

– А разве все это не должно разрушаться без энергии жителей? – удивилась я.

Яра усиленно закивала, напоминая китайского болванчика.

– Должно. Но не разрушается. Многие страны перевертышей хотели бы завладеть даманской энергией. Это решило бы и наши проблемы на тысячи лет вперед. Но передать энергию, перенаправить ее могут только потомки даманцев. И раз страна их стоит, города не разрушились, не обратились в пыль вместе с дорогами и природой, значит... потомки даманцев живы. Но вот где они, никто не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.